

Дервоцвет

Литературно-художественный альманах для юношества

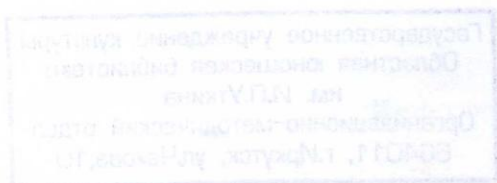

№ 3
1999

**200-летию
со дня рождения
А. С. Пушкина
посвящается**

*«Здравствуй, племя,
младое, незнакомое...»*

ПЕРВОЦВЕТ

№ 3

Литературно-художественный альманах для юношества

Учредитель

Областная юношеская библиотека им. И. П. Уткина

Альманах зарегистрирован в Восточно-Сибирском региональном управлении регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати, рег. № И-0391 от 28 июля 1998 г.

Выпуск альманаха осуществляется благодаря финансовой поддержке Комитета по культуре администрации Иркутской области.

Главный редактор

А. С. Стародубцева

Редколлегия

Л. М. Середкина

Е. А. Суворов

А. С. Попов

А. К. Лаптев

Л. В. Иоффе

С. Н. Элоян

Обложка

Сергея Элояна

Компьютерный набор и верстка

Н. Н. Галкина

Адрес редакции

664011, г. Иркутск, ул. Чехова, 10
тел. 27-07-93

Иркутск, 1999

Содержание

Первоцвет – к юбилею Поэта

И. Шмелев. Заветная встреча – Пушкин.....	4
А. Алисова. Признание в любви. <i>Эссе</i>	5
О. Гречман. Мой Пушкин.....	6
А. Бычкова. Мой Пушкин.....	8
Н. Латышева. Пушкину.....	9
Г. Наместникова. Письмо Галины Пушкину.....	10

Рифмы Первоцвета

О. Яблокова.....	12
Е. Ермолаева.....	13
А. Свирина.....	13
А. Пенькова.....	14
Е. Трускова.....	15
Е. Барановская.....	16
П. Колесников.....	16
Д. Димке.....	17
А. Амбарова.....	18
Я. Чеснакова.....	19
Т. Бабаева.....	20
А. Коршунов.....	21
А. Авдеева.....	22

Художники Первоцвета

Р. Присяжникова. Творческий портрет Сергея Шипицына.....	23
Н. Ружникова. Штрихи к портрету (Сергей Гранин).....	26

Репортаж Первоцвета

Я живой, мир живой.....	29
-------------------------	----

Юность глазами Первоцвета

Е. Толстихина. Последнее лето детства.....	34
В. Шавелкин. Рассказы.....	37

Проза Первоцвета

А. Винокуров. Посвящение отцу. <i>Рассказ</i>	43
---	----

Сказочный мир Первоцвета

Н. Мурынкин. Сказки.....	51
--------------------------	----

Фантастический мир Первоцвета

Г. Уваров. Частная собственность Мориса Харела. <i>Рассказ</i>	59
--	----

Улыбки Первоцвета

А. Коршунов. Восклицательный знак. <i>Рассказ</i>	70
---	----

ПЕРВОЦВЕТ - К ЮБИЛЕЮ ПОЭТА

Иван Шмелев

ЗАВЕТНАЯ ВСТРЕЧА – ПУШКИН

Слово мое – о Пушкине.

Пушкин – воистину все еще восходящее солнце наше: все выше поднимается, все ярче светит.

Нынче мы на распутье, и вот, в томительном нашем ожидании, дается нам укрепление – «заветная встреча» с символом нашей сущности: мы поминаем Пушкина.

Поминаем великую утрату, но в нас не обновленная скорбь, а озарение. Эти чувства тонут в одном – безмерном: *родное* наше. Вспоминаем слова Гоголя о Пушкине: «явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа». И еще: в Пушкине как бы показано, каким мог бы стать русский человек через двести лет. Своим поражающим духовным ростом Пушкин как бы знаменует будущий рост русского человека: полуафей, жадный к культуре европейской, бунтовщик, он зреет, мудреет, углубляется, приникает к родной истории, проникается творчеством народа, тянется к самобытности; патриот, государственник, черпает от Святого Слова, глубже пускает корни в родную почву.

Мы знаем, что «европейским братьям» не до понимания нас, национальные эгоизмы ныне острее, чем полвека назад. А вот «недоразумения и споры» между нами... Тут Пушкин может помочь: в нем все, чтобы нам научиться ценить то главное, без чего мы – не мы: родное наше, Россию нашу. На любви к ней объединиться. Много Пушкин унес с собой, но много и оставил, чтобы могли мы кончить все наши споры. «Тайны» Пушкин не уносил с собой: он ее нам оставил, собой оставил. Может быть для страшного лихолетья русского и была предуказана чудесная эта тайна – Пушкин.

Пушкин – все наше бытие, родное наше, самостоянье наше. Пушкин – Россия наша, от первого глагола Летописца до последнего слова прерванной Истории Российской. Пушкин – это не разрешенный еще вопрос, им же самим поставленный:

Почему все мы любим Пушкина, и многие бессознательно? И это может быть лучше, что – бессознательно, зато непосредственно и крепко... Потому ли, что в нем все отвечает какому-то важному в нас инстинкту. От него идет как бы ток, как от чего-то очень огромного. В нем включено как будто все – для всех нас: веет от него стихией, которая в нас вливается и живет. Пушкин – не гениальная случайность литературы русской, а «явление чрезвычайное» – «пророческое». Он как бы предуказан нам – показать, на какие высоты может подниматься русский гений, – он знамение нашей духовной сущности.

Пушкин – скрижаль нашего завета: в нем все, чтобы быть нам русскими, и быть достойно. Пушкин для нас – бесспорность, прирожденность. Он для нас – чувство родины, с детских лет. Никто из творцов родного слова, кого учили мы в хрестоматиях, так не прирос нам к сердцу, никто так не стал своим, как Пушкин. Поныне веет он в нас воздухом детских лет. Читаем его – и слышим, как пахнет снегом, чувствуем занемевший с мороза пальчик, видим «бразды пушистые», «на стеклах легкие узоры», «деревья в зимнем серебре», – «мороз и солнце... день чудесный!» – слышим первую зиму нашу. Вбираем в себя... – и столько отображений, отзвуков!

И мы вздыхаем, захвачены все – *одним*. И нет «недоразумений» между нами, и быть не может. Вот она, тайна Пушкина. Он берет нас очарованием простоты и правды, той прирожденной правды, которую подменить нельзя, которая называется – *родное*. Это наша, родимая стихия – душевность и простота, ласка родного слова, родного образа. Пушкин не сочинитель, не изыскатель словес, не выдумщик, а естество, такое же естество, как слаженная народом песня, сложенная народом сказка. Пушкин – та живая тростинка-Иванушка, которую слышит сестрица-Аленушка сказки нашей. Ни у кого не найдете вы такого живого слова, такого чудо-слова, которое уже не слово, а русская ткань живая, таящая дух животворящий. Ни у кого не встретим той живой ласки, какая льется на нас от Пушкина, будто из недр родимых...

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

ЭССЕ

Александр Сергеевич Пушкин... Впервые имя поэта и его волшебное «Лукоморье» я услышала, когда мне было три года. И я, тогда еще малышка, сразу поверила всему, о чем мне поведал добрый сказочник Пушкин. Долго еще во мне жила вера, что где-то далеко-далеко есть сказочная страна, где на каждом шагу чудеса, и надо только немного подрасти, чтобы отправиться туда. А в этой сказочной стране меня обязательно встретит мой любимый сказочник и поведет неведомыми дорожками к своей Тайне. Я чувствовала, что у сказочника есть какая-то тайна, что в «Лукоморье» он поведал не обо всем, что видел и слышал, что знает и умеет.

И каким же потрясением были для меня слова ведущего одной передачи: «Когда Пушкин

умер...» Умер? Но разве сказочники умирают?! Я бросилась к маме и долго, долго плакала.

С того дня прошло уже семь лет. Теперь я знаю, что великие сказочники, поэты и писатели не умирают. За эти годы Пушкин стал для меня еще дороже и ближе. Строчки пушкинских стихов, словно тропинки, ведут и ведут меня в страну его поэзии, к той самой тайне, о которой я грезила еще малышкой. Кого только я не встретила за эти годы на «неведомых дорожках»! И гордого Гвидона. И нежную царевну Лебедь. И бойкого Балду. И славного Руслана. Но, как я понимаю, я только в самом начале этого пути. А путь будет обязательно долгим. И Пушкин будет со мною рядом всегда, всю жизнь.

МОИ ПУШКИН...

Тихо потрескивает свеча, за окном завывает метель, мирно и ровно скрипит перо, а на море-океане возникает остров, на котором стоит град. И все в том граде есть: добрые люди, веселые дети, молодой, справедливый князь, смешная белка, грызущая золотые орехи с изумрудными ядрами, прекрасная Царевна-лебедь, и конечно 33 богатыря, берегущие от напасти и зла этот сказочный мир.

Остров мечты, остров мира и добра... Наверное, о таком месте мечтал поэт, чтобы спокойно творить, влюбляться в утренний рассвет и упиваться тихим закатом, дышать простором морского ветра, размышлять при луне, вдыхая запахи роз и полевых цветов. А вся неразбериха, вся алчность и зависть, месть и подлость, все эти бабы-Бабарихи, скупые рыцари, всевозможные Сальери и барини Троекуровы останутся где-то там, далеко-далеко. Наивная мечта поэта, но как приятно и тепло оттого, что такая сказка есть и что этот маг и волшебник приглашает нас к себе в гости, в свои чудесные истории.

...Тихо потрескивает свеча, ровно скрипит перо, все так же воеет метель, а уже где-то «председатель» за своим отчаянным за-

стоьем, где кругом правит Царица-чума, просит спеть Мэри уныло и протяжно:

*Было время, процветала
В мире наша сторона:
В воскресенье бывала
Церковь божия полна;
Наших деток в шумной школе
Раздавались голоса,
И сверкали в светлом поле
Серп и быстрая коса.
Ныне церковь опустела;
Школа глухо заперта;
Нива поздно перезрела;
Роща темная пуста;
И селенье, как жилище
Погорелое, стоит, –
Тихо все – одно кладбище
Не пустеет, не молчит.*

Как мимолетно счастье, как хрупка человеческая жизнь, как удалился далеко и растворился в тумане сказочный остров мечты. И как близка эта, еще одна история про совсем нерадостных людей, про беду, которая не шадит никого, ни молодых, ни старых, ни царей, ни простых смертных, словно наш маг и волшебник пытается достучаться до нас, чтобы помнили о самом главном, чтобы жили в любви, согласии и добродетели.

«Любите! Любите! Любите!»
– торопится перо поэта, но Сальери уже бросил яд в питье Моцарта, Герман за карточным проигрышем сходит с ума, и пуля, что сразит волшебника, уже отлита. Раздастся страшный выстрел у Черной речки, где в безмолвном крике оцепенеет вьюга, затихнет перо, погаснет свеча...

«Любите! Любите! Любите!»
– поскрипывает тихо падающий снег навсегда уходящими шагами волшебника.

Но я верю, что он не покинул нас, он на время поселился на своем острове, о котором так мечтал, он немного отдохнет, пожалеет нас и вновь вернется!

И может, этот остров не такая уж и сказка, ведь говорят, что гений видит то, чего не могут увидеть другие.

Я не говорю прощай, я говорю до свидания, мой дорогой, мой Александр Сергеевич Пушкин, мой маг и волшебник. Я буду тебя ждать!

*Вот открыл волшебник очи,
Отрясая грезы ночи
И дивясь, перед собой
Видит город он большой,
Стены с частыми зубцами,
И за белыми стенами
Блещут маковки церквей
И святых монастырей.
Лишь ступил он за ограду,
Оглушительный трезвон
Поднялся со всех сторон:
И народ на встречу валит,
Хор церковный бога хвалит:
В колымагах золотых
Пышный двор его встречает,
Возглашает над собой
Княжесей шапкой и главой...*

МОИ ПУШКИН

**«И как нашел я друга в поколенье,
Читателя найду в потомстве я...»**

Я внезапно проснулась без причины. За окном тихо. Только ветерок шуршит сухими листьями по стеклу. В комнате темно. По углам перешептываются мрачные тени. Зажгла ночник. Мне отчего-то беспокойно. Тишину нарушает только тиканье часов. Взяла томик стихов Пушкина. Открыла наугад:

*Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит.*

Перелистываю листок за листком. Грустно.

*С его неясными словами
Моя душа звучала в лад.*

Сколько понятных стихов, но еще больше – непонятных, но все равно волнующих...

*И чувствую: в очах родились
слезы вновь;*

*Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня
летает.*

Милые стихи не успокаивают. Сон ушел.

*Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня...*

Я вспоминаю прошедший день. Для волнений нет причин. Но...

*Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышьей беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот?
Укоризна или ропот
Мной утраченного дня?*

Подумала о завтрашнем дне – что ждет меня? Может, сегодняшняя бессонная ночь – это прощание с детством? И поэтому мне тревожно: что там, впереди?

*От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...*

Эти строки, написанные Пушкиным бессонной ночью, оказались мне настолько понятными и близкими: его смутная тревога стала моей тревогой, его поиск смысла стал моим, его грусть стала моей грустью. Я стала его читателем, а он стал мне другом.

*И чье-нибудь он сердце тронет;
И, сохраненная судьбой,
Быть может, в лете не потонет
Строфа, слагаемая мной;
Быть может (лестная надежда!),
Укажет будущий невежда
На мой прославленный портрет
И молвит: то-то был поэт!*

Наталья Латышева

Учащаяся 11 класса Хомутовской ср. школы № 2

ПУШКИНУ

Незаметно годы пролетели,
Двести лет прошло – немалый срок.
Но с годами все ж не устарели
Тайны рифм его волшебных строк.

Так легко играет он словами,
Душу, сердце вкладывая в них.
Пушкин жив, и значит – Пушкин с нами,
Он живет сегодня в нас самих.

Пушкин с нами в нашей колыбели,
В добрых сказках и сейчас живет,
Как бы годы быстро ни летели,
Но любовь к поэту не пройдет.

Он своими дивными стихами
Восхищает, радует сердца.
Пушкин жив, и значит – Пушкин с нами
И его таланту нет конца.

Прочитаешь – сердце замирает.
Как его за это не любить?
Верю я: душа не умирает.
Пушкин жив, и Пушкин будет жить.

Галина Наместникова

Учащаяся 10 класса школы № 45 г. Иркутска,
член литературного клуба «Премьера»

Письмо Галины Пушкину

Как далеки мы друг от друга.
Ужель я Вам письмо пишу?
Волненья, робкого испуга
В своей душе не нахожу.

Вы – гений, слышала я с детства,
И гласу знающих Вас вняв,
Пытаюсь снова углубиться
В собрание Ваших пестрых глав.

Да, я не верила вначале
В правдивость сказанных там слов,
И взор мой не был опечален
Разлукой с миром сих стихов.

А перечтя – искала слова,
Чтоб объяснить мне с собой.
Я встретила там с Вами снова,
Далекий, взрослый и чужой.

В столице северной, на Невском
И на балу, уже в Москве,
В деревне (к Лариным, где Ленский) –
Онегин Ваш бывал везде.

Итак, Евгений. Я о нем бы
Хотела здесь поговорить,
Верней, поведать свои мысли,
Чуть-чуть поспорить, погустить.

Писала Таня... Ее сердце
Стучало, билось – чувство в нем
Уж не давало страху места
И жгло ее своим огнем.

Она ждала... Какую муку
Ей первый опыт приносил!
И взгляд его, и эти руки...
Он сам огонь не погасил!

Она страдала... Было тесно
Любви такой в ее груди.
И обо всем ему известно...
Он не любил – не по пути.

И жизнь поэта б продолжалась,
И дом им общим мог бы стать,
Ведь все жила, все продолжалась
Любовь ее!.. Но мог ли знать

Попавший в плен хандры тоскливой
Московский фронт, Евгений Ваш,
Что к ней (она его любила)
Жизнь повернет свой экипаж?

И эти письма... Я читаю,
Мне грустно. Грустно отчего?
Судьба ему быть лишь печалью,
Быть без ответа на него.

Средь мыслей умных, новых, тайных,
Запавших в душу мне, одна
(О ней я помню не случайно) –
О, как она честна, точна! –

«Чем меньше женщину мы любим,
Тем больше нравимся мы ей...»
Он, самый милый, тебя губит
Средь паутины, среди сетей.

И верно, если (не случайно)
Он кинет безразличный взор,
Утомлена она, печальна,
Но равнодушие – не укор.

Единственный и самый нужный –
Ты ускользаешь. И когда
Она послушна – ты остужен.
Но вот (пройдут уже года)

И, опоздавший, ты с ответом
Идешь, надеждою согретый,
К ее ногам приносишь сердце...
Ах, милый, ей уж не согреться.

Несвоевременным и долгим
Ответ твой стал, ведь очень строго
Сердца, любившие когда-то,
Молчат, меняя адресата...

Я не прощаюсь, обрывая
Свое письмо, и не скрываю,
Что Вам пишу его спокойно,
И мне не страшно, мне не больно...

Я написала... Но посланье
Дойдет ли к Вам сквозь толщу лет?
И нет ответа ожиданья...
Но Вы поймете. Вы – Поэт...

РИФМЫ ПЕРВОЦВЕТА

Ольга Яблокова

Учащаяся 5 класса школы № 35 г. Иркутска

Ноябрьские сумерки

В небесах
Луна застыла
И темно,
И не темно...
Словно синие чернила
Вдруг покрасили окно.
Сквозь стекло
Смотрю в смятенье
На заснеженный
Простор –
Там сиреневые тени
Забрели на синий двор.

Где знакомая
Беседка –
Снег сиреневый лежит,
И сиреневая ветка
В синем инее дрожит...
И цветы сирени манят,
Распустившись
В ноябре!
Это сумерки шаманят
На заснеженном
Дворе!

Герой

У старой осины в низине
Две толстые злые гусыни
Меня караулят с утра.
Но мне-то ни капли не страшно:
Да я же медведя однажды
Отважно гнала со двора!
Не верите?

Честное слово!
Да я забодаю корову,
Да я заарканю козу!..
Но надо сидеть на осине,
Поскольку две злые гусыни
Меня караулят внизу.

Елена Ермолаева

Учащаяся 5 класса школы № 35 г. Иркутска

Умножение

Гриб помножим на сосну,
Лист помножим на весну,
Теплый ветер – на зерно,
Землянику – на звено.
Множим солнце на лучи,
Всех мальчишек – на мячи,

Всех девчонок – на «хи-хи»,
Всех поэтов – на стихи.
Множим крыши на людей,
А метро... на лошадей!
Голубой – на черный,
Красный – на зеленый.

Деление

Мы бродили по полям,
По лесам бродили
И делили пополам
Все, что находили.
Мне – цветок,
Тебе – цветок,

Мне – грибок,
Тебе – грибок.
Речку мы делить не стали,
Словно маленький орех.
Ведь леса, поля и дали
В мире созданы для всех.

Аля Свирина

Душа перепутает плоть...
И родишься не ты –
Кто-то другой.
Он будет носить твою душу
И походить на твой прототип,
Но будет чужой и далекий.
Появишься ты...
Вы столкнетесь в толпе воскресенья
И разойдетесь в разные стороны:
Ты не узнаешь свою душу,
Он не узнает твою плоть,
Вы станете чужими
И утонете в омуте жизни
Средь плоти и душ,
Не узнавших друг друга...

Анна Пенькова

Учащаяся 11 класса школы № 62 г. Иркутска

* * *

Закрой глаза, подумай обо мне
И вспомни, что привиделось во сне.
Стучат часы и комната в унынье.
Забудь про все. Почувствуй запах дыни.

Офелия

О как мне быть?
Куда деваться мне
От той любви,
Ворвавшейся извне?
Мой мозг един
С желаниями сердца,
И лишь тебе
Души открыта дверца
И не могу я
Думать ни о чем.
Закрылся мир
Фарфоровым ключом.

О Гамлет мой,
Слова твои – как меч.
Меня в огонь
Твоя толкает речь.
Я перейду
В свой мир, а ты – за мной.
Безумна смерть,
Помочь нам ей позволь.
И будем мы
Всегда с тобой вдвоем,
В ад или рай
Мы вместе попадем!

Евгения Трускова

Учащаяся 8 класса школы № 62 г. Иркутска

Осень

Последние листья осины
Поднял и унес ветер вдаль.
Трава пожелтевшая вслед им
Кричит: «Улетай! Улетай!
Туда, где косяк журавлиный
Холодную зиму проводит,

Где пальмы растут и маслины,
А осень совсем не приходит.
Но ветер утих и остались
Лежать, повинуюсь судьбе,
Последние желтые листья
На голой осенней земле.

* * *

Ночь летняя спокойна и тиха.
В дом сквозь окно свет мутных звезд прольется,
И видно белого ночного мотылька,
Который в комнату пустую тщетно бьется.

Его манит горящая свеча
И мотылек к ней тянется и рвется.
Не знает он – смертельно горяча,
Не знает, что огонь над ним смеется.

А утром, в предрассветной дымке тая,
Лежит, накрывшись крылышком своим,
Ночной мотыль, сгоревший не от пламени,
А от желанья быть сожженным им.

Екатерина Барановская

Учащаяся 11 класса гимназии № 25 г. Иркутска

* * *

Молочно-белым плотным покрывалом
Туман спускался с гор на спящий лес.
Он таял медленно, пока заря вставала,
Ронял росы жемчужинки с небес.
Все было тихо. Ни одна травинка
Не шевелилась лаской ветерка,
И солнца луч сквозь утреннюю дымку,
Сквозь мягкие, большие облака
Летел к земле, все светом озаряя
И отражаясь в капельках росы,
Остатки сна и ночи разгоняя,
Зверькам тихонько щекотал усы,
Будил и лес, и речку, и овраги,
Тропинку темную, лесного муравья,
И ветерок, уснувший меж дубами,
Чирикание малютки-воробья...
И вот проснулся лес, запели птицы;
И легкий стук, и свист со всех сторон...
Сова же спит. Ну что ж, пускай приснится
Ей сладкий, легкий и приятный сон!

Павел Колесников

Учащийся школы-гимназии № 25 г. Иркутска

Байкальские воды

Байкальские воды
Прозрачно-чисты,
Как много в Бакале
Чистейшей воды.
Круты и скалисты
Видны берега,
Где раз побывал –
Не забыть никогда.

Плывут по волнам
Небольшие суда.
И чайки свободно
Парят в небесах.
Красивый закат
Показался вдали.
Кто видел все это –
Забыть не смогли.

Дарья Димке

Учащаяся 11 класса школы № 62 г. Иркутска

* * *

Хорошо, когда песня
Рождается из шорохов ночи.
Хорошо, когда песня
Рождается из шелеста дождя.
Но это не моя песня.
Моя песня рождается
Из звука жилы,
Лопающейся на шее
Бегущего вдоль коня.

Вероничке

Ты иронична?
Значит, болит.
Ты иронична.
Тело – как скит.
Сердце – монах,
Запертый в нем.

Жизнь – это страх –
Вечным огнем.
Ирония – боль
Неудачной любви.
Ты здесь одна –
Зови не зови.

Читаю

(подражание Верлену)

Ветер. За окном – ветер.
Плачет листва.
Книга. Красная книга,
В которой – трава.
Солнца, желтого солнца
Сладостный груз.
Ветра, соленого ветра
Призрачный вкус.

Лета, легкого лета
Печальный конец.
Мир. Снова мир,
В котором – слепец.
Книга. Красная книга.
Дум облака.
Боже, и разве это –
Моя рука?..

Анна Амбарова

* * *

Научи не ждать, а жить,
Не терзаясь ожиданьем,
И Тебя благодарить
За случайные свиданья

И за то, что без него
Солнце всходит и заходит,
Жизнь идет и полный ход
Не сбавляет даже вроде...

И за то, что дождь идет
И не думает кончаться,
И за то, что без него
Я еще могу смеяться,

Господи, прости мои
Слишком дерзкие желанья,
Научи не ждать, а жить,
Не терзаясь ожиданьем.

* * *

Мне приснилось, что ты меня любишь,
Что ты меня держишь за руку,
И тихонечко улыбаешься,
И куда-то ведешь меня за реку.

В домик маленький, солнцем залитый,
Где ни страха, ни одиночества,
Где мы оба настолько счастливы,
Что уже ничего не хочется...

* * *

Я сегодня вся земная.
Приземлилась, и ни жеста
Поэтического во мне.

Не из солнечного света,
Не из инея на ветке,
Не из думы не спеша,

Что случилось? Я не знаю,
Отчего душа из жести
Оказалась, а не

Потому что изболелась,
Изрыдалась, изгорелась
Вся, до донышка, душа.

Янина Чеснакова

Преподаватель русского языка и литературы школы № 50 г. Иркутска

* * *

Я собираю слова по крупицам,
Тку стихотворный узор,
Должен (уверена я) получиться
Редкий, прекрасный ковер.
Буквы и слоги сплетаются в слово,
Ниточки строчек – в строфу.
Краски рассвета и птичьи мелодии
В этот узор я вплету,

Осени грустной задумчивость легкую,
Журчанье лесного ручья,
Женскую нежность, улыбку ребенка,
Шепот ночного дождя.
Радости встречи и боль расставанья
Чтобы теснее сплелись,
Перемешаю я счастье с отчаяньем
И назову это – ЖИЗНЬ!

* * *

В чем виновата я, Боже?
За что ты меня караешь?
Душу любовью встревожишь –
И снова ее отнимаешь?
В чем мои преступления?
Сделала что, скажи?

Зачем отнимаешь зренье
У и так незрячей души?
Грех мой в чем? Я не знаю.
И так ли велик мой грех?
Молчишь... Уходя из рая,
Я все же услышу твой смех...

Грустная сказка

«Где ты, милый? Где ты, далекий?» –
Сердце бьется испуганной птицей.
Принцесса в башне высокой
Своего ждет прекрасного принца.
Вдаль принцесса глядит беспокойно:
Только с принцем ей стать королевой.
«Скоро рыцарь придет за мною?» –
Нет, еще не пришло то время.
И в тревоге принцесса томится
О любимом, но незнакомом.

«Ну когда же придет мой рыцарь?»
Все вокруг отвечают: «Скоро!» –
«Почему не торопишься, милый?
Почему ты такой беспечный?
Если б боги мне дали крылья,
Я б сама полетела навстречу...»
... Лепестки одичавшей розы
На развалинах старой башни –
Это юной принцессы слезы,
Королевой так и не ставшей.

Татьяна Бабаева

*Руководитель клуба при Федерации детских организаций
Иркутской области*

Маме

Мне так хочется быть свободной,
Безответственной, словно птица,
Мне так хочется быть с крылами
И куда-то лететь, лететь...
Мне так хочется все забросить
И парить легко, беззаботно,
И, забравшись в далекие дали,
Тихо-тихо о чем-то спеть.
А потом вдруг, возвысив голос
До всего, что ни есть земного,
Рассказать всем на свете людям,
Птицам, бабочкам, лопухам,

Что могу я летать повсюду,
И никто меня не остановит,
И могу я отдать свою душу
Беззаботным своим стихам.
А потом, нагулявшись вволю,
Опьяненная духом свободы
И полета бездонным счастьем
И любовью своей к земле,
Виноватой чуть-чуть вернуться,
Чтоб немного побыть с тобою
И почувствовать радость прощенья,
Ткнувшись носом в плечо тебе.

* * *

Зажигает вечер свечи на далеких грустных звездах,
Лунный свет струится нежно, и ложатся тени. Поздно.
Ты сидишь, не спишь. Мечтаешь? Или плачешь вновь о чем-то?
Ну откуда ты такая – неуютная девчонка?

Снова что-то не случилось из того, что так желалось?
Снова странница Фортуна, заглянув, не задержалась?
Снова на год стала старше? Почему нельзя моложе?
Снова на зиму пришелся День Рождения? Ну и что же?!

Если что-то не случилось – значит, и не нужно было,
А удача отвернулась – чтоб твои проверить силы,
Новый Год принес с собою больше мудрости, терпенья,
А зима – такое чудо, снеговое наваждение!

Все уйдет и будет вечер, все исполнится, как нужно,
И таинственные встречи, речи, свечи вас закружат.
Он останется с тобою, будет добрым, нежным, милым,
И забудется, растает все, что раньше с вами было.

Иркутску

Снова нам предстоит разлука
Мне – в дорогу, тебе – оставаться.
Нам не нужно с тобой прощаться.
Смысл не в этих надрывных звуках.
Он в другом. Ведь мы оба знаем,
Что куда бы я ни спешила,
Все равно кусочек души
Я всегда с тобой оставляю.
Мы с тобою давно знакомы...
Ты – такой спокойный и мудрый,
Улыбался мне пасмурным утром,
Провожал вечерами до дому.
Терпеливо сносил ворчанье
И сравнение с другими – лучшими ль?..
Даже в день, затянутый тучами,
Я спешу к тебе на свиданье.
Мне не нужно просить: дождись!
Просто знаю, что Ты – дождешься.
Я вернусь – а ты улыбнешься,
Даже если пойдут дожди.
Металлической птицей распорот
Твой задумчивый синий вечер.
Я тебе говорю: «До встречи,
Мой родной и любимый Город».

Андрей Коршунов

И вот ухожу, побежден, с поля брани,
Сжимая зубы – рот на засов,
Но я еще не забыл притязаний,
Я буду помнить твою любовь.
Я буду вечен, как вечны птицы
На гербах твоих – моих городов
И буду вечно сидеть в темнице,
Сжимая зубы – рот на засов.
Стенать, метаться, трястись от злости...
Я выем чресла и выращу вновь...
«Зачем все это?» – меня вы спросите.
Я буду помнить твою любовь.

* * *

Трещина, впадина тесная
Между разломами скал,
Узкое синее лезвие,
Странное слово – Байкал.

Кто заглянул в дикий угол,
Первый прошел по тропе,
Озеру имя придумал,
Гулкое имя – тебе?

Чистым до боли, до дрожи
Зеркалом лег водоем –
Не разбивай его. Что же
В имени скрыто твоём?

Осень ли золотом льется?
Чайки ли кружат, кричат?
Плавает дымное солнце
В красной воде, как свеча.

Воздух прозрачный – веками
И у подножия глыб,
Чуть шевелят плавниками
Стаи таинственных рыб.

Что в несмолкающем голосе?
Не колыбельная ли?
Снишься ты летчикам в космосе
Светлой слезою земли...

Проект

Черта разделит белый снег,
Сломался грифель от нажима.
Запроектированный трек,
А цель пути недостижима.

Увидишь с птичьей высоты,
Что возникает на равнине

Портрет бездарной суеты,
Бессмысленная пляска линий.

И скорость звонкая поет,
И ты который год в отъезде,
Но мы не движемся вперед,
А жалко кружимся на месте...

ХУДОЖНИКИ ПЕРВОЦВЕТА

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СЕРГЕЯ ШИПИЦЫНА

Борьба за свое место в обществе, самовыражение себя как личности прослеживается в творчестве молодого художника Сергея Шипицына. Созданное им искусство сложно, как сложна и сама эпоха, в которой он живет. В его работах есть слякоть окружающего мира и тихая, остановленная на мгновение созерцающая душа художника.

Целенаправленно выбранный им такой вид искусства как графика очень интересен и далеко не настолько легок в исполнении, как кажется с первого взгляда. Сначала это мастерство техники, тонкость ее исполнения. Затем выражение графических принципов: плоскостность, линия, цвет, пустота, баланс, условность. Графика не требует передачи объема и пространства, сам результат ксилографии или офорта непредсказуем. Создавая определенную работу, художник увлекается техникой, изображение создается интуитивно. Небольшие неточности экспериментирования на офортных досках приводят порой к эффектным выходам в печати.

Несмотря на юный творческий возраст С. Шипицына жизнь его наполнена выставочной деятельностью. Еще в детстве он получил премию на международном конкурсе Украины, что стало являться первой ступенью в художественный мир искусства. В дальнейшем он участвует почти в каждой организуемой выставке: 1995 г. «Молодость. Творчество. Современность», где занял II место, 1997 г. «Третий глаз», в 1998 г. на Московской выставке Иркутских художников, в 1998 г. стал лауреатом областной выставки «Молодость. Творчество. Современность». И с каждым открытием выставки художник раскрывает свой внутренний мир и насыщает свое мировоззрение новой информацией окружающей действительности.

С течением времени постепенно меняется взгляд С. Шипицына на искусство XX в. После прохождения основной школы творчества в художественном училище на его приобретенные знания накладывается собственная точка

зрения, где выработанный стереотип восприятия реалистического искусства уходит в прошлое, и возникает индивидуальное отображение мира, пройденное через сознание художника и переданное в произведениях. Такое искусство несет недосказанность, философию, представление о достоинстве, о пороке окружающего мира. Гравюры художника в большей степени ассоциативны, и состояние радостной взволнованности, вдохновения при создании работ он заменяет на депрессию. Может быть поэтому его произведения похожи на тонко натянутую струну, готовую вот-вот оборваться. Пограничное состояние между реальностью и уходом в небытие ярко передано в гравюрах «Эрос» и «Падающий Икар». Отчетливое выражение мысли автора прослеживается в исполнении серий, где часть своего сознания он мгновенным кадром запечатляет на белом листе бумаги. Внешняя, тех-

ническая сторона гравюр находится в полном соответствии с творческим темпераментом художника, и чтобы понять его искусство, зритель должен знать, что такое страдание, одиночество и безысходность.

Не только все выше сказанное способствует созданию работ, неотъемлемой частью творчества становится образная музыка и литературное слово, где линия резца повторяет все интонации мелодий: паузу, ритм, звук, статику и динамику. Его литературный язык, письменное выражение мысли так же искренне сложны, как и сама музыка. С. Шипицын интересен как художник, полон ожиданиями будущего, оно должно привести его к моменту счастья, найденного в своем творчестве и ценящих его зрителях.

Р. Г. Присяжникова
УРГУ, 5 курс, искусствовед

Эрос. Ксилография.

Икар. Ксилография.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ (Сергей Гранин)

*Да, человек есть башня птиц,
Зверей вместилице лохматых.
В его лице мильоны лиц
Четвероногих и крылатых.
И много в нем живет зверей,
И много рыб со дна морей.*

Н. Заболоцкий

Творчество С. Гранина являет собой пример эзотерического искусства. По своей сути оно близко к магическому реализму, который, в свою очередь, происходит от мифов, легенд и преданий – апокрифов.

В графических работах шаманского цикла мы видим личины, словно пришедшие из глубины веков, миллионы лет назад, и сошедшие на Землю. Это личины – обереги, духи и духевы (по терминологии самого автора) различных сил природы. Духи Огня и Воды, Деревя и Металла, а также русалки, лешаки, водяные.

Таким образом, автор близок, на первый взгляд, к «анимизму», но вместе с тем – ко взглядам К. Кастанеды, традиции визионерства.

В работах Сергея проявляются знаки-символы различных синкретических религий.

Лики-личины и растения, русалки и рыбы-птицы, обрамленные тайными знаками, образуют непрерывный хоровод, опоясывающий Байкал и Полинезию, Карибский бассейн и Африку, Якутию и Гренландию. Антропоморфность животных и зооморфность растений указывают на присутствие в работах автора неких «элементов» Эдема. Но вспомним, что «истинный художник всегда остается в первых шести днях сотворения мира» (М. Шагал).

А биологическое образование автора работ может нас окончательно запутать: этих рыб и растений Вы не найдете в специальных атласах, они словно бы с Нептуна свалились, Тайна их облекает...

Следует также отметить серию коллажей Сергея по очень сложной тематике, характерной для окончания тысячелетия, – вопросы: патологии и уродств, суицида и криминала. Эти темы – ключевые для XX века, их разрабатывали Дюркгейм и Ломброзо, Фрейд и Камю.

Коллажи выполнены на основе документальных фотоматериалов и обработаны на сканере (мультимедийное искусство). Некоторые листы уводят нас к графике Франсиско Гойи... Именно здесь – эпицентр боли, Сайт Души, пульсирующая сердечная чакра. Работы, лишенные фальши подмалевок и лицемерия полированных багетных рам!

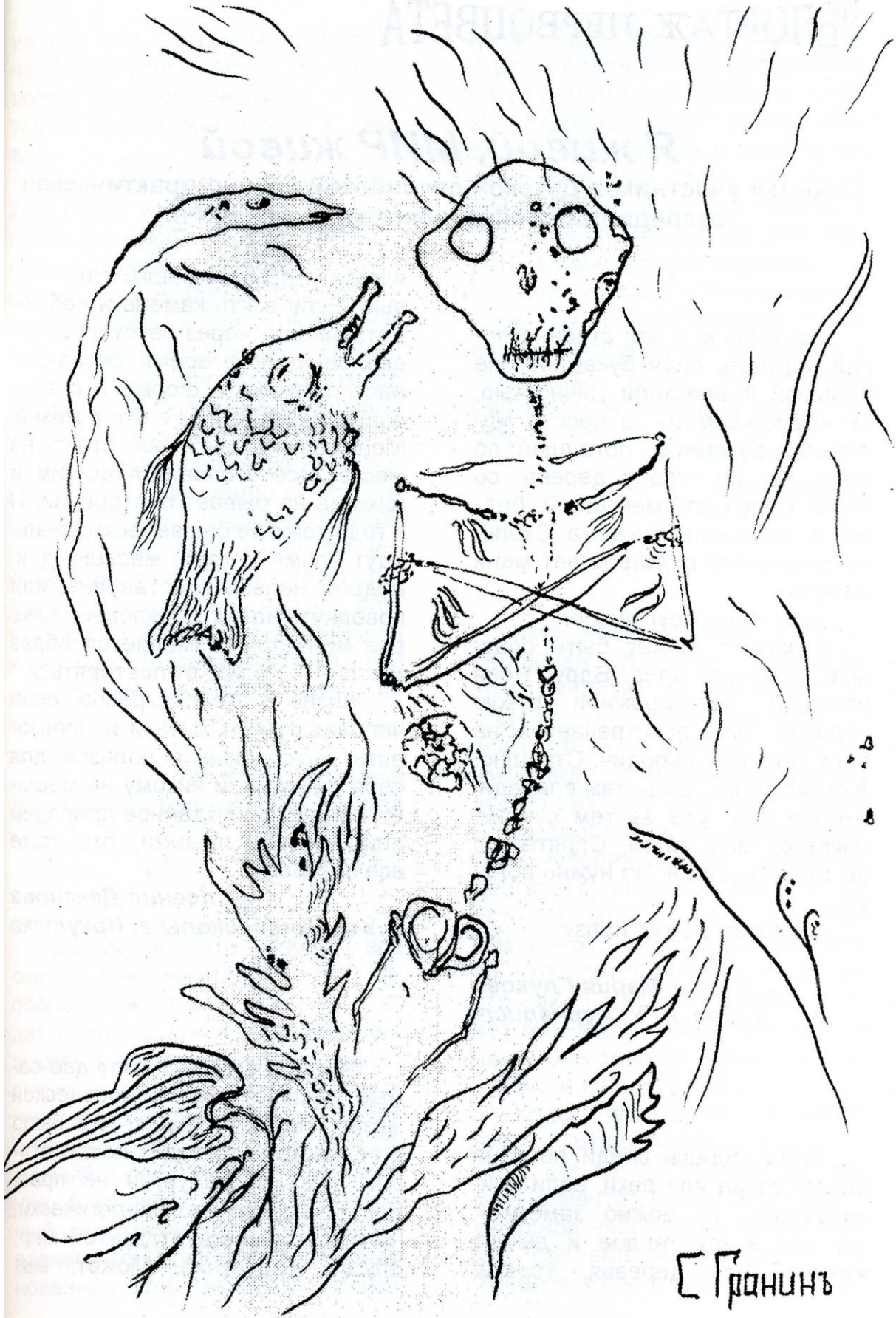
Эти коллажи заставляют нас задуматься о многом.

В заключение следует отметить, что С. Гранин открывает для нас иной мир – более высокого порядка, более гармоничный, мир, живущий в глубине души каждого из нас, – с детства.

*Н. Ружникова
Студентка 5 курса восточного
факультета ИрГТУ*

Сраниць

С Гранинъ

РЕПОРТАЖ ПЕРВОЦВЕТА

Я живой, МИР живой

(Заметки участников Детской российской научно-практической экспедиции «Байкальское кольцо – XXI в.»)

* * *

Как хорошо и как странно порой ощущать себя букашкой. Не большой и властной личностью, не «самой-самой», а просто маленькой букашкой, ползущей по миру, как по стволу дерева, со своей маленькой мечтой. О, бедная я, маленькая букашка. Сколько опасностей подстерегает меня на пути.

Ведь все вокруг живое.

А значит, может быть опасным, принести вред. Вдруг меня раздавит неосторожной рукою человек. Или повстречается на пути голодный сородич. Страшно. А ползти надо. Ведь там впереди, быть может, уже за тем сучком, сбудется моя мечта. Спрятаться бы да отсидеться. Но нужно ползти.

И я ползу, ползу, ползу...

Мария Глухова
1 курс, ИГУ, журналист

* * *

Когда сидишь среди леса на берегу озера или реки, если прислушаться, то можно заметить, что все вокруг живое и дышит жизнью. Все деревья, травки,

ягодки и даже камешки тоже живые. Если взять камень и наблюдать за ним, через некоторое, наверное, долгое время он начнет расти, изменять форму и станет совсем другим. Так и все в жизни. Меняется, растет, не стоит на месте. Все становится другим и никогда не бывает повторений. И в году тоже не бывает изменений, идут времена года, месяцы, дни, недели, нельзя их остановить или повернуть назад. В человеке тоже все меняется. Изменяется образ мысли, он не может повторяться.

Жизнь – это прекрасно, если человек сумеет жить и использовать свою жизнь с пользой для себя и других, и никому не мешает, не портит созданное природой или другими людьми, это тоже все прекрасно.

Ксения Деканова
Учащаяся школы г. Иркутска

* * *

Жизнь и Смерть – вот две самые важные грани человеческой жизни. Никто не знает, что было до первой и что будет после второй. Хотя, пожалуй, я не прав. Все знают, как это биологически, но ведь существует другой мир, другое измерение. Может, мы,

умирая там, рождаемся здесь и наоборот. Ведь сейчас много говорят: «В прошлой жизни я был тем-то тем-то, жил там-то и там-то».

Вы знаете, сидя на берегу тихого озера и смотря на большой сухой деревянный крест, который видно отовсюду, невольно начинаешь задумываться о жизни и смерти, добре и зле. А если тебе еще и шестнадцать лет, то тем более. Я уже три года думаю об этом. Мне и страшно и интересно: что там после смерти?

Что означает выражение «я – живой», «душа – живая»? Что такое душа? Что означает живой? Кто из нас задумывался над смыслом этих слов? Немногие. Дано ли вообще найти этот смысл? Здесь так много вопросов и так мало ответов. Может, это и есть смысл жизни? Я лично не знаю...

Алексей Шумилов
Выпускник школы г. Шелехова

* * *

Считается, что ночью все спит. А мне кажется, что все наоборот: ночью все оживает. Уходит дневная суета, толкотня, остаются тьма и тишина. И только в них чуткое сердце может уловить множество живых голосов, заглушенных днем. То может быть мерный плеск волны, как дыхание, бьющееся сердце или нежный шепоток ветра с листвою деревьев, или совершенно необыкновенная, горящая, пылающая,

шкворчащая жизнь угольков в костре. И рядом с ними просыпаемся, действительно оживаем и мы. И открываем друг другу свои сердца. Мы глядим в огонь и видим искренние глаза друзей, и сердца бьются в такт волне, и лес, стоящий вокруг, не даст соврать, не выдаст и не предаст.

И так хорошо, что невозможно уйти. И мне часто кажется, что за вечер, проведенный у костра, я проживаю, узнаю и понимаю больше, чем иногда за целые месяцы.

Надежда Хан

* * *

Мир вокруг жесток и несовершенен. Он полон ненависти, зла, ехидства и цинизма. Нескончаемые войны, насилие, от всего этого не хочется жить. Но жить надо. И мы живем. Только все по-разному. Для одних жизнь – это просто существование, когда человек может говорить, двигаться, видеть, слышать. Но есть и другие, для которых жизнь – это что-то возвышенное, то, что дается не всем и не просто так. Такие люди верят в то, что мир может быть прекрасен и чист. Все зависит только от нас самих, и я верю в это.

Когда попадаешь в какой-нибудь отдаленный уголок, где есть только ты и природа, где можно мечтать по ночам, глядя в звездное небо, тогда понимаешь, что все еще можно исправить. Хочется забыть обо всем и про-

сто любить. Любить траву, небо, воду, песок, птиц, людей вокруг, а может быть, одного единственного человека. Ты смотришь ему в глаза и там видишь целый мир, где никогда не бывает войн, где царит покой и счастье. И так хочется туда попасть, и бывает так больно, когда прямо перед тобой ворота закрываются. Кажется, что жизнь остановилась. И стоит огромных усилий и терпения, чтобы запустить ее вновь. Мне кажется, не всем это удастся, отсюда такое огромное число самоубийств от неразделенной любви. Когда слышишь об этом, невольно задумываешься о том, как глупо они поступают. Ведь тот человек не единственный в мире. Есть ведь те же трава, небо, вода, песок, птицы. Их можно любить так же сильно. И я их люблю и живу.

Ирина Пройдакова
ИГУ, 1 курс, математический факультет

* * *

Я живой, я дышу, я слышу, я вижу, я двигаюсь. Все вокруг меня тоже живое: растения, звери, птицы, насекомые, рыбы. Если б не было этого всего, и меня не было бы, не было бы ничего. В один ужасный момент все это может сорваться. Наша планета может столкнуться с другой планетой или на нее может упасть гигантский метеорит. Или сейчас придумали много бомб. Одну из них в любой момент может сбросить какой-нибудь псих. Природу засо-

ряют выхлопными газами, и она может умереть. Я боюсь этого и не хочу, чтоб она умирала, и потому ее надо беречь и защищать.

Максим Тихонов
26 школа, 8 класс, г. Шелехов

* * *

Все в этом мире живое, все хочет жить. А ведь все так легко разрушить. Можно спилить дерево, которое каждой своей веточкой, каждым своим листочком, тянулось к солнцу, которое всей своей душой мечтало дать корни, мечтало дать жизнь другим деревьям.

И все цветы, все птицы, все лягушки, змеи, жабы и другие живые существа – все хотят удивляться и радоваться жизни.

Сидела я вчера и наблюдала за птицами. Какие они на удивление живые, счастливые. Щебечут на все голоса, радостно и звонко.

Засохнут деревья, завянут цветы, высохнут озера, реки, океаны и земля станет голой и некрасивой, но душа всех живых существ вечна, потому что она умрет только тогда, когда погибнет вся вселенная, а этого, я думаю, произойти не может.

Вот сижу я однажды у костра и думаю, что огонь тоже живой. Когда дежурные разжигают костер, огонь вспыхивает уныло и невесело, но позже начинает счастливо пощелкивать, прося еще дров. Он хочет жить.

Мне кажется, во всем мире нет существа, которое не хотело

бы жить. Хотя одушевить можно все, даже камни.

На этой живой земле все живое.

*Татьяна Голобокова
19 школа, г. Иркутск*

* * *

На мою руку сел комар. Я наблюдаю, как он разместил устойчивее свои тонкие ножки и опустил хоботок к моей коже. По опыту зная, что за этим следует, я прервала его действия, сжав его двумя пальцами. Через мгновение я его отпустила и он лег на бок, вытянув ножки. Наверное, они упали не очень удобно, но он их больше не переставлял. Вроде бы то же изящное тельце, все на месте, а чего-то нет. В общем-то, это уже не комарик, а грязь какая-то. Пока я размышляла об этом, над моей рукой звенело еще несколько комариков, точно таких же, на мой взгляд. И если бы я посидела еще минутку неподвижно, история бы повторилась. Словно я ничего не изменила в этом насыщенном комарьем воздухе. А ведь не стало одной жизни.

Несколько дней назад волны Байкала погубили и выбросили на берег мертвыми трех человек. Все в лагере всполошились. Если бы это были наши, событие бы омрачило все пять лет экспедиции. Но они были чужими. Мы позвонили в Выдрино, оттуда приехали и забрали утопленников. Заполняя на следующий день днев-

ник, я чуть не забыла об этом. Шторм прекратился.

Дождь больше не накапывал грустные мысли и простуды. Байкал мягко переливался голубыми и зелеными цветами. А по его глади плавали многочисленные лодки с людьми. Уже с другими людьми, но какая нам разница? Нетрудно представить, какое горе в семьях тех мужиков, которые больше не едят, не говорят, не двигаются; чьи тела больше не снабжают себя кислородом и пищей, не защищают себя от других организмов и поэтому портятся.

Ушла жизнь и ушла цель жить. Камень не заботится о том, что он не так лежит, хоть пили его напильником. Упавший лист покорно отдается земле. Но все живые листочки и травиночки, которым счету нет на этой веселой черничной поляне, тянутся к солнцу, поворачивая к его лучам зеленые ладошки, пьют через стебель влагу почвы, открывают и закрывают крохотные устьяца, испаряя ее для своего охлаждения. И я сижу здесь, вроде бы вся в мыслях и в ручке, пишу эти слова, якобы я не такая, как они, мое дело не жить, а описывать жизнь. Но как только затечет нога или ползающие по мне муравьи вызовут чрезмерное раздражение, я непременно что-нибудь делаю, чтобы мой организм не портился. И потому я его так люблю, что так о нем забочусь? Каждая клеточка в нем тоже старается устроиться поудобнее, подрасти и размножиться. Но она работает не только для себя, но и для соседних клеток, они помо-

гают друг другу пищей и информацией. Да и я зачастую делаю что-то не для себя, а для близких мне людей. Если с какой-то частью меня случится беда, например ее отрежут, то вытечет кровь, заберется инфекция, резервы организма будут брошены на ее починку, и мне станет плохо, всей мне. И если в группе близких мне людей, которые живут в постоянном взаимодействии, одного убрать, горе будет для всех. Их всех замучат хлопоты по устранению проблем, связанных с выпадением звена, им долго будет не хватать его, беда войдет в каждого из них, нарушая внутренний уют, и вся группа может распасться, как может умереть от одной ранки целый человек. Получается, что несколько живых, да, пожалуй, и неживых объектов, очень необходимых, составляют нечто, что тоже может быть или не быть, процветать или угасать. А поскольку все и на всех как-то да воздействует, можно воспринимать как живой организм всю планету, Вселенную, весь мир. Ведь если одна звезда взорвется,

множество небесных тел сменят свои орбиты, на них от этого изменятся температурные и прочие условия, что приведет к переменам в происходящих на них процессах (представьте, вдруг Землю вытолкнут на орбиту Сатурна, мелочь по масштабам Вселенной, а каково?), да еще по пути они всех расшевелят, и кто знает, к каким новым катастрофам это приведет, пока все не уладится и не устроится по-новому. Но вот дело-то в том, что всем этим скоплениям газов, минералов и энергии, что по-старому, что по-новому – нет разницы. Все перемены беспокоят только живых. Если во всем мире будет хоть одна клеточка, которой хочется жить, пить, дышать и оставаться при всех этих желаниях, для нее эти перемены будут иметь значение жизни и смерти, и живым окажется весь мир.

*Полина Хан
НГУ, математический
факультет*

ЮНОСТЬ ГЛАЗАМИ ПЕРВОЦВЕТА

Елена Толстихина

Учащаяся лицея ИГУ г. Иркутска

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО ДЕТСТВА

*В детстве понял все.
Юность стала зрелостью.
Жизнь – старостью.*

А. Тюрин

Сон, нет, скорее забытье убрало свою тяжелую руку с моих глаз. Было еще темно, и я глупо уставилась на неброский рисунок шторы. Ветер безжалостно дергал ее, заставляя подчиняться его минутным порывам. Как я люблю эти первые секунды, когда сон отступил, но мысли еще не очнулись, и так легко, свободно и спокойно на душе. Но этот миг слишком короток. И вот уже привычное чувство боли пронзает все мое существо: тебя рядом нет и никогда больше не будет. Все вмиг потускнело и затуманилось. Ресницы отяжелели и стали ощутимей, в губы неприятно въелась помада. И так каждый день: нарисованная улыбка – жизнь, как в театре, под толстым слоем грима. Нужно всегда держать себя в руках, играть, даже обманывать, чтобы только никто не узнал... А когда-то...

...Озорные лучики солнца шлепали меня по лицу, прятались в мягких кудрях. Что-то засвербело в носу, я чихнула и проснулась. Утро было в самом разгаре, и ветер выдувал пузико в шторе. Что это? По мне

мурашками бегало что-то волнующее и приятное (может, это и было счастье?). Ерзая под одеялом и наслаждаясь ощущением необъяснимой нежности к тебе, появившейся неведомо откуда, я была уверена, что в тебе шевелились, шуршали, шептались и тихонько посмеивались те же самые чувства. Как в те дни баловал нас ворчливый и суровый старик Байкал! Мы, однажды уже познавшие горечь предательства тех, кого впервые полюбили, предавались детским шалостям и искренне смеялись от безудержной радости, с которой воспринимали весь окружающий мир. Нас накрепко связывала дружба, и казались дикими и пошлыми поцелуи. По вечерам мы разбредались в разные стороны, и каждый думал о своей когда-то неудавшейся любви. В эти минуты я и придумала три заповеди счастья.

№ 1. Чайки соединяют две мои самые любимые стихии: воздух и воду. Я смотрела на гладь озера и вдруг поняла, что они не могут ужиться друг с другом и всегда сходятся в смертельной схватке. Между ними существует невиди-

мая грань, нарушение которой грозит трагедией. Шторм – борьба воды с воздухом, наводнение – земли с водой, пожар – огня с землей. Так и происходит с людьми: переступив какую-то грань, они рушат все, что с таким трудом создавали. Никогда не совершайте этой ошибки!

№ 2. Чувствую, что сзади подкрадывается и все время норовит поглотить меня взрослая жизнь с деньгами, должностями и прочей ерундой.

Повзрослеть – очерстветь – мечты запереть – у... Нет, не хочу жизни в царстве зла и лицемерия. Можно, я останусь здесь с тобой навсегда, на крохотном кусочке земли, приносящем счастье, который называют «безоблачное детство». Взрослейте, но оставайтесь детьми, пожалуйста!

№ 3. Я лежала и смотрела в ночное небо, полное мрака и звезд. Все мои проблемы по сравнению с Вечностью становились мелкими и ничтожными. На нашей планете постоянно идет борьба за звание «самого несчастного», и все пытаются его себе присвоить. Но все познается в сравнении. А мы эгоистично считаем себя самыми неудачливыми. Но почему бы не соревноваться за звание «самого счастливого»? Не ценим счастья, когда оно рядом, но почему-то спохватываемся, когда оно уходит. Мы слишком увлечены своими бедами. Несчастные, не упустите своего счастья!

...Гудки теплохода заставили нас вздрогнуть: был день отъезда. Ты не сводил с меня глаз, похожих на два огромных зеленых луга с

цветами – мечтами, которые распускались всякий раз, как только встречались с моими. Неужели все оборвется? И город отнимет нас друг у друга? С чувством страха я последний раз окинула взглядом знакомые, ставшие мне родными места. Откуда мне было знать тогда, что оставлю здесь свое сердце и буду часто мысленно возвращаться сюда. Теплоход дернулся и подался вперед. Мы уплывали в будущее, еще не оценив настоящего, которое с каждой минутой превращалось в прошлое. Пристань, домики на берегу становились все меньше и меньше. Теплоход, разрывая привычное движение волн, убегал все дальше и дальше. Ветер бросал пряди моих волос то назад, то вперед, смахивал редкие слезинки и небрежно рассыпал их. Ты подошел ко мне и крепко сжал запястье.

Город встретил нас жарой, дымящимся асфальтом, духотой. Я ненавидела все, что окружало меня: людей, дома, улицы, магазины. Задыхалась и жила нашими редкими с тобой встречами. Мы продолжали оставаться добрыми друзьями, но этого стало не хватать. И вот однажды, перед твоей поездкой в А., я почувствовала нечто большее: я должна была ждать твоего возвращения. И я ждала.

Сухой дождь. Из тополиного пуха. Навязчивый и теребящий, а вместе с тем ласковый и пушистый. Просто милый друг, появившийся откуда-то из детства, где идут и земляничные, и молочные дожди. Нет, скорее летний снег. Может быть, поэтому его многие не любят.

Вечереет. По небу неравномерно размазаны облака. Цвета уже не такие яркие. Они загустели и остепенились, и чем-то напоминают кисель, кем-то в спешке опрокинутый на горизонт. Где-то в небе затерян месяц, еще совсем молодой и, как все молодые, островат, нетерпелив и несдержан.

Весь мир стоит на любви, все его многочисленные творения созданы ради кого-то, с чьим-то именем на устах. Я смотрю на этот город и понимаю, что люблю его только за то, что ты живешь в нем.

Засыпаю. Нет, я лечу. Над ночным городом. Смотрю вниз и не могу не вскрикнуть от восхищения. Тысячи, миллионы, миллиарды огней и ... тьма! Это божественно! Так легко становится на душе, когда осознаешь, что свет и боль идут всегда рядом, как свет и тьма!

Вдруг что-то вспыхнуло, я резко обернулась и увидела, как по тоненькому лучику, протянутому от одной из звезд, как по перилам, прямо ко мне съезжает Маленький принц. Очутившись рядом, он взял меня за руку и, нежно улыбаясь, произнес: «Он сумел приручить тебя. Я очень рад, что еще не все забыли, как это делается. Теперь ты для него единственная в целом свете. И он для тебя один. Я всегда с вами. Помни об этом». Он исчез так же внезапно, как и появился. И я услышала, как тихонько смеялись звезды.словно пятьсот миллионов бубенцов.

Ты вернулся. И мы любили друг друга. Как сильно? Об этом

помнят только последние жарко-страстные дни лета. С моих губ сорвалось одно лишь слово: «Навсегда, навсегда...» Но мы нарушили три заповеди счастья: переступили грань священной дружбы, отреклись от детства, не ценили минуты, проведенные вместе, убегая, зализывали свои раны.

Этот по-дивному сказочный и романтический вечер с золотинками в пышных шевелюрах берез и пролитой розовой краской в ясном голубом небе, где курились дымчатые гребни облаков и сладко зазывали с собой вдаль, должен был принадлежать только нам двоим. Он бы окутал нас дымкой Несбывшегося, закрыл глаза рукой Наслаждения. НО...

...С грохотом все полетело на пол: тюбики, коробочки, флаконы. Неловкими движениями рук я стирала с лица столь ненавистную мне мазню. Вспомнилось нелепое на магазине: «Окорока, печень, крылья, сердце». Неужели все можно купить-вернуть?!!

Девушка с огромными от боли глазами смотрела на меня из зеркала. Она была похожа на обиженного ребенка, у которого умер любимый пес, но ему, ребенку, боятся об этом сказать. А он догадывается, что случилось, но никак не хочет поверить в это. А глаза кричат и кричат об одном и том же: «Ведь ты навсегда в ответе за тех, кого приручил!!!» И рядом тихонько плачет Маленький принц.

СВЕТЛОЕ

Она пришла в нашу школу оттуда, где жили еще недавно ее родители – геологи, много ездившие по свету. И сердце, исполнившись тайною, засветилось! И звали ее Света.

Когда луч солнца утром, радуясь, заглядывал в большие окна нашего класса и достигал завитка у розовеющей мочки, от ее волос начинало исходить золотое сияние. Я замороженно смотрел на золотистый свет, который вел себя словно игрuchий котенок: коснется прядки, заставит ее сиять, потом, будто испугавшись, – отпрянет. И меркнет золото... В классе все нахмурится, мутнея, расплывутся тени от рам на партах, полу. Через мгновение котенок вновь насмелится и мягкой лапкой коснется другой прядки. И так, пока не овладеет всею игрушкой – воспламенит золотистый нимб над головою. Вдоволь натешившись, он, лучистый, пойдет дальше искать новой забавы. А я останусь с хрупкой фигуркой в голубенькой форме с белым ажурным воротничком, потому что в душу теперь на веки вечные запало чудо, которое не угаснет.

Видел ли еще кто-то, что происходит в эти светлые утренние минуты? Похоже, нет. Учитель диктовал, ребята писали, решали. Правда, на переменах за Светой увивался Коля Вилкин. Мать его работала библиотекарем в школе, поэтому он был на виду среди нас, одноклассников, и учителей. Он и

жил в одном дворе со Светой. А в третьем классе какая любовь?! Бегать друг за дружкой на перемене, щипаться, дергать за косу. Нашим девчонкам это нравилось. Света с подружкой Леной Марковой в паре визжали-бегали от Коли и еще одного мальчишки. Как я завидовал Вилкину, носящемуся по школе за ней!

Замечала ли, понимала ли золотоволоска мои мучительные мятежные взгляды? Не знаю. Только в один хороший день подошла ко мне Лена и, поводя роскошными черными бровями, предложила:

– Будешь за нами бегать?

В дверях класса стояла моя любовь с веснушками и ожидающе смотрела на нас с Маркушей. Разве мог я отказаться, встретив глазами взгляд, в котором выражалась вся простота ее наивно открытой души?! Взгляд, распахнувшийся доверчиво, как синее море в солнечный день.

От Коли узнал, что он с тем мальчишкой, который бегал с ним, в ссоре. И тот отказался ловить девчонку. Коле же не к лицу это было делать одному, обзовут еще девчонкой. Вот и пригласили меня. Мы с Колей разработали план погони, но... следующей перемены не состоялось. Окончились уроки и все побежали по домам. Однако сердце мое торжествовало – завтра!

Недолго длилась радость. Участвовал я в погоне за девчонками

всего два раза. Наш дуэт с Вилкиным быстро распался. Коля поссорился с девчонками и сказал, что больше за ними бегать не будет. Потом помирился, но нашел себе другого союзника. А я оказался в стороне, так как во время ссоры стеснялся один ловить Лену и Свету. Был я и мал ростом, неказист, оттого и чувствовал себя неуверенно в отличие от Коли, защищенного материнским авторитетом.

Так и не знаю до сих пор: исходило то предложение – гоняться за ними – поначалу от Лены или Светы? Как бы хотелось, чтоб от Светы! И сейчас, спустя двадцать лет, хочется. Верно, оттого, что воспоминание – тебя когда-то любили – просветляет, согревает в любые минуты твоей жизни.

И целый год я ждал, когда утреннее солнце, ворвавшись в класс, зажжет костер сияющих волос! Учился я хорошо, так что надежда остаться на виду у веснушчатой девчонки была. Одного из первых пятерых меня приняли в пионеры. Вступал со мною и Коля, что учился хуже, не на одни пятерки. И Света... Моя любовь с чуть вздернутым носом... Где она сейчас?

В конце учебного года родители Светы, видимо, наскучавшись нашим незавидным городком, решили откочевать дальше. Изнывая потому, что она уедет, ходил я с другом-одноклассником Музыкой около ее двора, заглядывал на окна, где она жила, искал случая увидеть ее хоть издали. Задавал Музыке вопрос: кто еще из наших в этом дворе жи-

вет? Музыка, судя по всему, ни о чем не догадывался. А мне так хотелось хоть слово, но услышать о Ней!

Так и уехала моя первая любовь, оставив опустевший двор, по которому бродило мое тоскующее, сбывшееся и несбывшееся настоящее чувство. Так я и не признался ей. Только признаются ли в любви в девять, десять неполных лет?!

Постепенно Света уходила, ушла из моего сердца. Детство омыло бережок души, который посетила грусть, волною новых впечатлений, заилило наслоениями последующих событий, встреч, дел. Жизнь, словно речка, не останавливаясь, бежала дальше. И сердце, оглянувшись в первый раз серьезно на рану, наносимую неразделенной любовью, исцелилось еще легко, по-младенчески не умея и не желая глубоко и долго страдать.

Только в седьмом классе что-то вновь похожее на любовь зарумянилось, как первозорька, в моем подростковом сердце. Это была Лена Федькина, симпатичная белокурая девчонка с носом аккуратной картофелинкой, пухлыми губами.

Пришла весна. Я спешил в школу. А впереди меня в светлом капроне ножками торопилась Лена. И оттого ли, что весна была щедра на чистоту и запахи, блестели ручейки и подсыхал асфальт, над которым, казалось, летели, парили эти чудные ножки, в голове у меня смешались счастье и маета. Я любил ее, любил, быть может, только один этот день!

ВАСИЛЯ

В этом городе тополя и звезды. В этом городе закружилась, заплутала в ветвях акаций моя первая любовь.

Звали ее Василя. Как объяснить, как описать благоухание любви, первой, юношеской, тонкой, словно крылышки народившегося птенца. Бережной, с душевной робостью. Даже неизъяснимо словами это: светлое имя, звонкое, как колокольчик, и ласковое – ВА–СИ–ЛЯ – чудо любви, чувств, восторга!

Сердце так и ахнуло, когда она вошла в класс, в который Витек попал переводом из другой школы. Красивая, очень красивая! Сидела она на том же ряду, что и Витя, только на четвертой парте. Витя же пристроился на первую с Володей Поляновским. Володя, добродушный верзила, вечно улыбался, носился по школе, с шутками приставал к девчонкам. Витек привязался к нему, словно собачонка, держался вместе на переменах: школа была новая и отовсюду пахло обидой для щуплого паренька. Ну а влюбился он не по росту, не по ранжиру и, можно сказать, заранее был обречен в борьбе за сердце своей дамы. Но любовь – помните, прошу вас, это, юные, – никогда не знает поражений!!

Василя-Василечка, конечно, отмечала, выделяла видных парней, высоких и стройных. Однако... лучше по порядку.

Была прекрасная середина сентября! Дни стояли солнечные, золотистые. Земля ночью уже присты-

вала и от нее поутру, когда Витек спешил в школу, сквозило ощутительным холодком. Но к полудню солнце отогревало землю и день, процеженный сквозь голубое, лучился сквозной свежестью, летали в воздухе блестящие паутинки – вестницы бабьего лета, и от опавшей листвы в палисаднике пахло переспелым арбузом.

Поле, куда они школой в порядке шефской помощи колхозу приехали копать «кузику», так ее называли, находилось за деревней. Неподалеку светился молодой березняк, где среди чахнувшего болотца высвобождал чистую воду прохладный ключ. Утомившись, бежали в лесок пить. И надо же, случилось так, что Витек ненароком, чудом вышел к ключу за любимой. Золотисто и мягко шумел в березах ветерок, осыпая на окраину поля, на черную сырую землю теплую, еще живую листву, покрывая пристылую жухнущую травку. Он увидел, как Василя присела у ключа и зачерпнула в ладошку воды. Поверх ее волнистых темных волос был повязан красноватый шерстяной платочек, так что макушка оставалась приоткрыта, а локоны по краям не развивались, не рассыпались. Как ей шел этот платочек, этот цвет!

Василька, приподнявшись, заметила его.

«Мальвина! – лавиной ухнуло, пронеслось внутри, когда он впервые так близко глянул в ее глаза с темными, взлетающими, словно

испуганные бабочки, ресницами. – Одни! – обрадовано заколотилось сердце. – Впервые одни! Сказать, надо сказать – люблю!».

– Ой, – удивилась она внезапности его появления. И очарованно оглядывая все вокруг, освобождаясь от легкого смущения-замешательства, сказала-спросила:

– Красиво как, правда?!

Голос ее прозвучал, точно весело-голубой бубенец, и растворился в осени. Так же звучал ее смех на поле, когда она веселилась с подружками.

– Правда... – ответил он, смущаясь и не зная, что еще добавить.

Ветерок набежал порывом, зашелестели макушки и под ноги к ним полетели огненные птицы.

– Сказать, сказать сейчас, – стучало сердце и глаза выпивали до дна ее, легкую, улыбающуюся, веселую. Но вместо этого он, глупо улыбнувшись, пропустил Васильку, когда она пошла, а потом, оглянувшись, побежала по тропинке к полю. Там, словно на другой планете, тарахтел трактор и слышались ребячьи голоса. А он, он мучительно переживал:

– Ну почему не сказал, почему: Василя, Василечка, я тебя люблю. Это ведь так просто?..

Так и остался тот убранный безрезовым золотом, небесно-родниковый день в памяти на всю жизнь. Она! – тихий вскрик листопада, сверкающие на солнце паутинки, улыбающиеся встревоженные глаза и мелодия голоса:

– Красиво как, правда?!

Дальше – больше затягивал его волшебный сладкий омут. Можно

на пальцах пересчитать редкие и потому святые минуты, когда они говорили. Он никогда не решался начать первым, она...

Как-то, возвращаясь в класс из спортзала, девчонки и ребята завели разговор о том, кто и куда станет поступать после школы. Витек признался: «В мореходку».

– Матросом, ты хочешь стать матросом? – посмотрела она на него со счастливым любопытством. Взгляд ее всегда попадал ему в самую душу, в глубокую и чистую ее серединку. И оттого он терялся. И сейчас, смущенно глянув на нее и не выдержав, отвел глаза в сторону, улыбнулся: «Да».

Ребята заспорили – хорошо ли быть моряком – спасая Витю от мимолетно возникшего молчания. А он еще долго переживал ее вопрос и взгляд. Казалось, в них было нечто большее, чем любопытство.

Вольно себя чувствовал Витек только на уроке литературы. Его вела учительница с лучистыми глазами и солнечной улыбкой, Галина Тихоновна. Она любила Витю, называла его «капитан Тушин». И он, вдохновленный, рассказывал о голубом небе Аустерлица, благородном князе Андрее, добром Пьере, живой радужной играющей росинке – Наташе! Класс заморожено слушал, и она, она внимательно смотрела на него. И тогда верилось: любит, не может не любить!

Но как нечасто ощущал на себе он этот взгляд! Сам же всегда чувствовал ее и за спиной. Оборачиваясь поболтать с соседками со второй парты, украдкой взглядывая на

четвертую, он боялся встретить ее глаза и в то же время так хотел встретить.

Так в несмелом чувстве промчались-пробежали два изнурительно-прекрасных года. Тайна их любви оставалась тайной. Она не раскрылась у окон дома, где жила Василия и где он проходил с надеждой, что вот сейчас выглянет любимая, заметит его. А что дальше? Этого он не знал. Она схоронилась в родном дворе, в который однажды мимоходом Василька впорхнула со стайкой одноклассниц. А он не успел выскочить из дома и ждал еще одной подобной милости, бесцельно ковыряя скамейку, утром, полным солнечного осеннего блеска. Блестело все – роса на траве, желтые мокрые листья, полуголые обсохшие ветви яблонь. Василия не проходила и не проходила...

Милость даровала зима, голубой хоккейный корт, где Витек гонял шайбу и куда любимая заглянула со старшеклассниками из добровольной народной дружины. А Витя не подъехал к ней лихо на коньках, как умел, простояв у дальнего бортика, покуда она не ушла. Ушла, оставив беспокойное, мучительное, болезненное в груди.

И был май. Нежная, теплая, трепетно-ласковая ночь. Судьба подарила им встречу. Ее глаза мерцали, как звезды, и платье явно и целомудренно обнимало наливающееся соком женственности тело. Она не позволила себя проводить.

На выпускной Витек шел в старом пиджачке. Хоть и отгладил его – все равно пиджак казался ему мягким и некрасивым. Брюки были не

родные пиджаку, рубашка не нова. Все это имело значение. Перед выпускным он слышал, как ребята и девчата хвастались шьющимися к балу новыми костюмами, платьями. И главное – там ведь будет она, и это последняя возможность признаться, пригласить на танец – в таком виде? Ему было мучительно стыдно бахромы на рукавах, которая кое-где торчала, как он ее ни обрезал, ни заглаживал. Витя вообще бы не пошел на этот дурацкий выпускной, но Василия?! Целый и, может быть, последний вечер не видеть ее, добровольно отказаться? Нет!

Вот и школа. Чувствуя себя неловко перед общим обворожительным шелке-ситце, дабы не разглядели его костюм, Витек сразу юркнул в малозаметное местечко у лестницы на чердак. Здесь ютилось его негромкое товарищество. Любимый уголок: зал видно, а их едва-едва. Начинались танцы. Лестничная компания по-мальчишески стеснительно толклась в закутке, когда зазвучали первые мелодии. Особенно пугали их вальсы, которые танцевало лишь несколько смелых пар. Когда вокруг расплясались, вышли подергаться под шейк.

Где бы ни был, у лестницы, в кругу, Витя ни на минуту не выпускал ее из виду. Она была в новом переливающимся-синем платье! И счастлива его праздничной красотой. Сияли ее глаза, чудесно развивался волос в вальсе, который она кружила с подружкой. Витек знал, что все, что скоро они не будут видеться, и надо как-то ре-

шиться признаться, но не мог даже подойти, пригласить на танец. Так и жался на лестнице или в пробежке по залу с другом Володей внешне беззаботно болтал с парнями, девчонками, сквозь них тревожным взглядом ловя ее.

Он мог блеснуть перед ней стихами, которые по просьбе Галины Тихоновны, знавшей о его даре, написал к выпускному. Но, когда учительница, увидев его, улыбнулась и спросила: «Витенька, ты написал, что обещал?», только виновато глянул в ответ: «Нет, не сумел...». И облегченно вздохнул, избавившись от сомнения: выступать или не выступать? Неудобство, нежелание быть у всех на виду, читать с эстрады победило тщеславие. «Скажут еще, — думал Витек, — поэт нашелся». Но желание славы сейчас же укололо: «Эх, ты, еще шанс упустил!».

Вместо него на эстраде возникла секретарь комсомольской организации, пьяненькая, и пропела пошленькие куплеты. Такие наяривают под гитару ребята во дворе, когда взрослых рядом нет.

Потом было застолье, снова танцы. И сердце Витька болезненно сжалось — он увидел, как на белый танец она пригласила Тополева, стройного симпатичного парня из

их класса, и там, в танце, о чем-то говорила с ним.

За большими окнами школы светлела ночь. Облеклись неверной плетью старые деревья во дворе. Засобирались гулять. На улицах, обычно шумных, стояла тишина. Свежо и прохладно веял утренний июльский ветерок. И листья тополей и акаций о чем-то шептались. О долгом ли лете, которое почти все еще впереди и его предстоит прожить? Сколько радости, счастья, ласковых солнечных дней, лазоревых рассветов и теплых дождей сулило оно и этим молодым людям, шумной пестрой вереницей растянувшимся по дороге. Дома спросонок, сквозь приоткрытые ставни удивленно смотрели на чудаков, поднявшихся так рано.

Витек вдруг не выдержал этого утра, тишины, все более светлеющего неба, того, что не смог, не сможет уже признаться, и, не найдя себе места в общем веселье, пошел, побежал домой по молчаливым, привыкшим к нему за эти годы улочкам. На душе было горько и что-то переполняло ее. Он больше не увидит любимую, не увидит! Законченность жгла и требовала какого-то исхода. Мать и отец еще спали, когда на кухне, задыхаясь, дрожащими руками он писал мучавшие душу стихи.

ПРОЗА ПЕРВОЦВЕТА

Андрей Винокуров

Актер ТЮЗа им. А. Вампилова

ПОСВЯЩЕНИЕ ОТЦУ

Р а с с к а з

Ситцевое платишко было до того застиранным, замызганным и выцветшим, что можно было только гадать о его былом узоре, цвете и великолепии. Его хозяйка убегала вдоль по деревенской улочке. Детские растопыренные пальчики резкими взмахами перебирали воздух, косички, плечи и затылок отзывались дрожью на колокольчики веселого смеха. Каждый шаг был отмечен высоко взлетающей над серым облачком пыли пяткой; раз – забившаяся грязью царапина на ступне, утопанной долгим и теплым летом; два – мизинчик, обмотанный тряпочкой. И каждый шагок уносил ее все дальше и дальше, смех становился все глуше, и только неестественное эхо било его о срубы изб, бережно втирая каждый звук в бревна приземистых, в три мутных окна домов...

Была у нас в деревне баба Лиза – любовь всей детворы от первых сопель до штанов с ширинкой (никто уж и не помнил точно, сколько ей лет), так ее ладони были такие же теплые и морщинистые, как торцы этих бревен...

Две косички пропорхали по Винокуровскому краю деревни Челпаново и, махнув на прощанье, исчезли за пригорком.

Так стало обидно, что Матвей открыл глаза.

В строгую графику окна, вплотную прислонясь к стеклу, смотрела луна, открыв рот в беззвучном вселенском крике. Мягкий мох лунного света заливал комнату, вырезая ножом контраста все белые предметы. Матвей лежал на спине, вытянув стрункой ноги, вдавив голову в подушку и сложив руки на лунном саване одеяла. Тишина, и два взгляда навстречу – шара за стеклом и человека в пустоте.

Под боком что-то двинулось и резко взорвалось мелкой дробью храпа. Матвей вздрогнул – жгучие мурашки побежали по голове, сплюнул в сердцах и, стараясь не ступать на скрипучие половицы, пошел на кухню.

Луна подпрыгнула над крупнопанелью и антеннопаутиною города и сделала вид, что она здесь ни при чем.

«Эх! Тьфу еще раз, да затянуться папироской. Огонек подморгнет, табачок подтреснет... Как все-таки эта бестия круглая смотрела! Прямо физиомордию всю по стеклине размазала». Внутри колокольцем вспорхнули косички и исчезли – молчок.

Пепел упал на голые коленки – все теплее ногам.

И какой интерес смотреть человеку в темную ночь?

«Эх!..» – заблудившиеся чешуйки пепла порхают у груди.

Утром удавалось все как-то легко. На удивление.

На вокзале купил билет (как раз пенсию получил, всего третью по счету); поговорил с женой по душам; и уже вечером смотрел на ту же подругу в небе из вагонного оконца. Рядом посапывала дочка шести лет.

«И как бог сподобил на поздний фрукт? Сыновья-то уж поразбежались по дальним углам, своих растят давно, а здесь – последняя слезинка с сахаринкой – ручки под щечкой... Бог ты мой!..»

В Иркутске, потолкавшись в толчее вокзалов, сели в автобус. И вот чем ближе-ближе, тем чаще заглядывает Матвей вперед – увидеть пытается, как его душа чешет вперед автобуса, высоко закидывая пятки.

Все.

Верхоленская церковь смотрит на них сверху своими куполами, как дядька Петр: «Ну? Что еще натворили, шалопаи?» Понтонный мост через Лену-реку – два шага. Идешь или летишь – непонятно! В голове... то ли материться, то ли молитву петь!

Двадцать три года не был здесь – шутка ли... Сердечко мячиком бьется о грудь – вон уж она, родимая! Ждет, притаилась. Как хочется раскинуть руки, обнять и поля, и деревеньку, и погост, и тайгу за рекой. Воздух горячим парным молоком обжигает все изнутри, разгла-

живает морщины, годы и растворяет-растворяет в себе бегущее тело, делая его невесомым и огромным, как мир.

– Папа! Папа! Папочка!

– Что? Милая моя, маленькая, что такое?!

– Я устала. Ты бежишь от меня – я догнать не могу. Хоть бы раз остановился отдохнуть!

– Ох, сладенькая, не плачь! Ноженьки мои маленькие, простите старого! Успокойся, доченька, успокойся, хорошая моя!

«А ведь десять километров пробежал как в одну секунду. Вот это дал! Даже в детстве так не бегал!»

У первых дворов заставил себя остановиться и пойти степеннее. Люди навстречу здоровались, долго смотрели вслед. Как отвык он от этого в городах.

У дома на лавочке сидел брат двоюродный Иван, смотрел, как подходит Матвей, не узнавал.

– Ну, встречай, братка. Здорово!

Иван вспорхнул с лавочки, заковылял навстречу. Еще пацаном малым упал он неудачно на коленку, и с тех пор «усохла» одна нога, стала короче.

– Мотя! – обнимал, щупал со всех боков – не мог поверить.

– Все ковыляешь?

– А что мне сделается! Зато один сапог всегда как новенький, все в хозяйстве полегче, – Иван приподнял «сухую» ногу, демонстрируя гвоздики на нетронутой подошве. – Да и походочка всегда с пританцовочкой – все веселее! Што ж мы? В дом пойдем! Пойдемте!

Дыхание остановилось, звон в ушах, как на пасху с колокольни. Тронул калитку – теплая. Подошел к крыльцу, оглянулся. Здесь поджидал он маму с полей, выглядывал, когда же на сопочке появятся женщины и запоют, чтоб знали в деревне, чтоб готовились. И когда багряный вечер доносил им эту песню, во многих дворах такая же малышня, как он, разводила костер и ставила на него чугунок, чтобы зашла мама – а на огне и кипяточек к ужину готов. А потом праздник вечера – похлебочка и мама за столом: «Мы леншкие: Грунча, Порунча, штавь шумувар – приишкатели пришли!..».

Иван «танцевал» по избе, собирал для гостей нехитрое свое холостяцкое угощение.

– Ты все так же?.. Один?..

Ничего не ответил. Улыбнулся лишь блаженно и полез в закуток за бражкой.

Сидели, вспоминали, пили и крикали, закусывая пахучими стрелами лука.

– Што ж ты не ешь ничего, красавица? Вот огурчики попробуй, сальца. Смотри, помидорчик тебе подмигивает – в рот просится. У нас все свое, свеженькое, вкусное!.. Внучка, что ли?

– Дочка.

– Ух ты! Ну ты, Мотя, даешь!.. Как зовут-то, красавица?

– Лизавета, – пропела красавица, так и не оторвавшись от помидора и дирижируя себе наполовину съеденным огурцом. Матвей смотрел в стол. Иван вздохнул и налил браги по стаканам:

– Бабушка-то лет уж пять как померла. Последнее время вообще не вставала. Одна-одинешенька, никого у нее. Я уж когда забегу – печку истоплю. Бабы наши через меня кой-что поесть передадут... Слава богу, недолго мучилась. Земля ей пухом, – крикнули, помолчали. – Скучала она сильно. Все ровесников своих вспоминала. А я уж и не знаю никого. У кого ни спрошу – никто не помнит таких. «Сколько же тебе лет?» – спрашиваю. «Ай, не знаю, милок, всех и не упомнишь». Так и схоронили с одной датой смерти. Здесь – жил человек, а здесь – помер...

Сидели затемно. Вечер уж давно затих. Друг друга лишь угадывали по дыханию и блеску глаз. В очередной раз вздохнув и разлив по последней, не зажигая света, пошли укладываться спать.

Проснулся Матвей от тепла на левой щеке. Солнце заглядывало в окошко.

Ивана не было – убежал уже. Лизавета спала, откинувшись на кровати и спустив одеяло на пол, Матвей накрыл ее тихонечко и пошел к реке.

Куленга мчалась вприпрыжку по камням, торопилась донести в своих струйках к Лене ледяное дыхание тайги. Сразу на том берегу дремучий лес взбирался на крутую сопку.

Матвей разделся, вздохнул всей грудью и с разбега ухнул в воду, могучим «гха-ах!» вспугнув эхо и несколько пташек. Перебирая руками камни дна, доплыл до другого бережка, пулей выскочил на росистую траву.

Прямо под его ногами начиналась давно нехоженная тропа и, цепляясь замшелые камни склона, терялась где-то высоко между вековыми стволами.

Когда ему было лет десять, дед Демьян подарил ему тозовку-мелкашку, и он частенько бегал в тайгу за мелким промыслом. И как-то... Да! Вот по этой самой тропе забрался он на сопку и.. аж замер от неожиданности. На другом конце колхозного поля стояла одинокая сосна, полностью усеянная куропатками. Те сидели на ветках, глупо глазели по сторонам и клекали о чем-то своем.

Матвей медленно снял мелкашку с плеча и, стараясь не дышать, лег на землю. Маневр удался. Сейчас, если начать их отстреливать с нижней поочередно, можно перестрелять почти всех. Глупая птица пугается лишь тогда, когда что-нибудь падает сверху. И если снимется одна, то и вся стая полетит за ней.

Стараясь унять дрожь в руках, Матвей прицелился: «Да что здесь бить, в конце концов?! Птицы как на картинке, метрах в ста, только успокойся и стреляй себе, стреляй!».

Мелкашка бьет тихо – щелкает, не бьет, но тут первый выстрел показался Матвею громом, и... Ничего. Стая сидит, не шелохнувшись.

«Мазила! Говорил же – не топпись!».

Но и второй выстрел... «Нет, не может быть, я же точно взял на мушку вон ту».

Третий, четвертый : «Что такое?!».

Шестая пуля попала в нижнюю ветку. Матвей даже услышал тупой удар по дереву. Несколько птиц равнодушно посмотрели вниз и продолжали сидеть. Когда же ветка закачалась во второй раз, они очень медленно снялись и пошли. Пошли, пошли...

Матвей вскочил с земли, тряс винтовкой на всю округу и вспоминал все ругательства, которые только слышал в деревне. Потом обессилено сел и опустил голову. И только здесь он увидел, что не перевел планку прицела на нужное деление. Как долго потом он со стыдом вспоминал этот случай, зачерпывая ложкой пустую тыловую похлебку!.. Как далеко-далече убежало то военное детство...

«Глянуть бы на ту сосну, стоит ли еще?» Ноги сами понесли его вверх. В груди опять поднялось вчерашнее чувство легкости и полета. Ветви пели ему привет и гладили по лицу. Ветер шевелил волосы и поил губы пьянящей сыростью тайги. И все это – в звенящей тишине.

Матвея не покидал страх, что его здесь нет, что все это он видит во сне и сейчас очнется далеко-далеко отсюда в тесной и душной квартире: голые ноги не чувствовали острых камней, забитые счастьем и небывалым восторгом уши не слышали шелеста и звука собственных шагов. И только терпкие запахи таежного настоя тербили нос и кружили голову.

Он не понял, когда. Где-то на полпути к вершине у его ног возникло черное облако и, оформившись в собаку, медленно поплыло

вперед, поигрывая на бегу сильными мышцами спины. Эта игра отражалась на шкуре зверя воронеными переливами и завораживала глаз. Пес, не прекращая бега, оглянулся: его открытая пасть, вывалившийся язык и непонятная полуулыбка на морде приглашали к соревнованию «кто быстрее», а косящий на человека черный зрачок был наполнен такой вселенской мудростью, что неприятно удивленный Матвей озадаченно остановился. Пес скрылся за поворотом – как исчез.

«Фу! Мистика какая-то! откуда ему здесь взяться? Мерещится, что ли?».

Его очень тесно обступали стволы, ветви, камни, поросшие мхом, и сумрак, переливающийся туманом таежной сырости – все было так похоже на сказку или сон, что Матвей даже ущипнул себя.

«Э, да что же ты, как баба какая! Чей-то шалый забежал сюда, а ты уж и сдрейфил!» И бег продолжился. Собака растворилась, распалась на серые частички пара, пала плесенью на камни, угасла всплеском больного воображения. Опять один.

Конец тропы выходил на вершину ярким пятном на сумрачном темно-зеленом фоне, и в этом пятне сидел он, красивый, как сам черт! Матвей остановился – как об стенку ударился.

Нет, что-то в этом было сверхъестественное, необъяснимое. Матвею казалось, что возраст зверя – века, что все его, Матвея, босоногое детство черные глаза видели его ежесекундно, следили за ним из та-

ежного тумана, приносили сны по ночам, заглядывали луной в окошко и ждали, ждали все эти годы отсутствия и тоски.

Каждый шаг навстречу давался с трудом, тропа казалась настиллом из гвоздей и грехов, но надо было пройти. Внутри открылась дверца, и через нее, накатывая волнами прибоя, хлынули откровения земли; они укоряли и ласкали, вспоминали и прощали – они встречали его после долгой разлуки.

Граница между густыми, как кисель, светом и тенью. Последний шаг – и шум внутри выстроился в песню желтого цвета. Пес теплым носом ткнулся в его бедро и прикрыл глаза, Матвей невольно положил руку на его лоб, почесал за ухом.

Сосна стояла на том же месте среди воли колосьев. Солнце светило и отражалось в зеркале поля. И было хорошо.

Сколько прошло времени – он не помнил. Потом повернулся и побежал вниз. Собака теперь всегда держалась около его левой ноги так близко, что он чувствовал тепло ее тела.

На другом берегу Куленги, около его вещей, ждал Иван:

– О-у! А я думаю – куда пропал?!

– А! – махнул рукой Матвей и, не решившись плыть, пошел вброд, – На сопку бегал... Посмотреть.

– Как водичка? – хитро спросил Иван.

– Хороша! Как будто заново родился. Помолодел лет на сорок, – Матвей прыгал на одной ноге, дру-

гой пытаюсь попасть в штанину. — Слушай, ты не знаешь, чья это собака?

Пес остался на том берегу и теперь сидел черным тугим пятном на яркой зелени травы. Иван приложил ладонь козырьком к глазам и долго смотрел:

— Не-а! Никогда не видел.

— Красивая.

Иван опять приложил ладонь:

— М-да.

— Пойдем! — крикнул Матвей, и пес, как будто только и ждал команды, прыгнул и побежал по воде, вздымая вокруг себя высокую радугу брызг.

— Слушай, — говорил Иван, — давай зайдем к Грише Житову. Ты знаешь, он же теперь сидит дома, не вылазит. Его три года назад в тайге лесиной привалило — перелом позвоночника. Два года пластом лежал, теперь кое-как — на травах да на бражке...

— Ах ты... мать! Что же ему так!.. Я его помню, таким здоровяком был, из тайги не выходил, всю ее вдоль и поперек... вот ведь не знаешь, где тебя...

Иван похрамывал и смотрел в землю.

На выходе из переулка им встретился Демьян, здоровяк под два метра ростом, он был весь светлый: светлые волосы, брови, ресницы, глаза и, казалось, что и сам он излучал доброе сияние — улыбка не сходила с его лица:

— Иван, кого ведешь?

— Не узнал? Это же Матвей Винокуров!

— Однокашник! Мотя! Вот здорово! Ну как ты?

— Здоров! А ты что? Здесь, что ли? Я уж думал — где-нибудь в профессорах! У тебя же такая голова — ты же в школе умнее всех нас, остолопов, был.

— Да не! Я здесь тракторю. Куда уж нам... Вы далеко?

— К Грише Житову. Пойдем с нами?

Демьян как-то притих, но улыбке своей не изменил:

— Пойдем.

Двор Григория носил признаки основательного запустения. Иван, пока шел, успел что-то убрать, что-то поставить, положить на место. Стукнул в окошко:

— Встречай — веду!

Мужики притихли и, согнувшись в три погибели, через низкие двери шагнули в темные сени, а затем в избу.

Григорий сидел на кровати и нетерпеливо глядел на входящих:

— Мотя, дружок, здравствуй!.. Ох, сколько ж мы не виделись!

Расселись. Григорий суетился руками — все старался поправить свою лоскутную постель, ловил себя на этом и еще больше смущался:

— Что же это я?! Надо же угодить.

— Давай я, — привстал было Иван.

— Нет, я сам, осадил его Гриша и с большим трудом начал подниматься, перебирая руками по спинке кровати. Так же тяжело опираясь на все, что было по пути, он проковылял за печку-каменку. Мужики сидели, не поднимая глаз.

— Как же, — раздавался из-за печки скрипучий голос, — в кои ве-

ки ко мне дружок приехал, а я ему и налить не смогу?.. Вот не обес-судь, ты уж наверное и забыл ее вкус в городе-то? Да и у меня она уж не такая хорошая получается, как бывало. Не побрезгуй, Мотя...

– Да что ты, Гриша, нам ли!..

Выпили. Разговор как-то не шел. Так. О том – о сем. О пустяках.

После третьей Матвей в сердцах поставил кружку на стол.

– Да что ж вы, мужики? Вот смотрю я на вас – совсем старики стали, одряхлели. Мы же молодые еще! Вот я, например. На меня же еще девчухи заглядываются! А почему? Потому что не даю себя согнуть!.. Демьян, ты глянь на себя. У тебя же голова – во! Ты же из нас самый головастый был. Газетную страницу за пять минут наизусть выучить кто сможет? А ты!.. Я ж тебя, когда из проруби зимой тащил, думал – из тебя профессор будет! А ты так на тракторе всю жизнь... Зачем ты голову свою загубил?! А ты, Гриша? Ты же всегда здоровяком был. Ты же тайгу как свои пять пальцев знаешь. Ты там по полгода пропадал и все знал: что есть-пить, чем лечиться, где что добыть, как схорониться... А сейчас? Повесили головы, старики стали?! Да вы же еще молодые! Вы еще можете новую жизнь начать! И... – и осекся.

Григорий плакал. Так, смотрел в одну точку, а по щекам текли слезы. Муха билась в стекло, через которое на Матвея смотрел пес.

«Что смотришь? Я не прав? Мда уж...» Кровь поднялась к лицу и закапала из глаз. Матвей сел.

– Мотя, ты прости нас, – Григорий медленно растер слезу, – прости...

– За что?

– Ну, что.. это... так вот...

– Нет, это ты, Гриша, прости... Дурость сморозил. Прости. Пойду я.

Остальные потянулись за Матвеем. Тихо разошлись. Шли к дому молча. Открыв калитку, Матвей оглянулся – в пяти шагах сидел пес.

– Заходи? – позвал Матвей и махнул рукой в сторону двора. Ответом было немое бездействие.

– Ну заходи. Что ты?

Пес остался на месте. Еще пождав немного, Матвей пошел за Иваном в дом.

– Да, Мотя, какая уж тут жизнь. Ты прав.

– Нет, Ваня, не прав... не прав. Зря я это. Зря, – Матвей сидел у окна и смотрел во двор. – Что же это? Я не ожидал увидеть вас такими. Ты ведь младше меня на пять лет, а выглядишь старше на десять... неужели и я... – Матвей тяжело поднялся с лавки. – Пошли спать...

Утром, ненароком выглянув в окно, Матвей увидел пса на том же самом месте, что и вчера. Схватив со стола первое, что попало, он выбежал на улицу.

– На. Ешь, – Матвей протянул хлеб. Пес не двинулся...

– Ешь, ты же со вчерашнего дня не ел ничего, – Матвей положил хлеб на землю и отошел. Пес приблизился к куску, понюхал и вернулся назад.

«Эх! Мог бы ты говорить – ты бы на все вопросы мои ответил и

увел бы в тот край, где друзья не стареют. Ты бы научил меня жить, не теряя, не разменивая, и отпускать уходящее с легкой душой. Если бы ты мог... Но ты молчишь, и глубина твоих глаз не прольется мудростью в мое сердце...»

– Да?

Пес повернулся и побежал по дороге, взбивая мелкие фонтанчики мягкой и теплой, как пух, дорожной пыли. Матвей смотрел и смотрел ему вслед. На границе между полем и тайгой пес остановился и обернулся. Это длилось секунду-вечность. Потом он исчез.

«...Еще одна новость, про которую и не знаю, как написать.

Первого января умер брат наш – Иван. Встречал Новый год у Игната Винокурова. Выпил много. Собрался домой идти по ночи. Хватились мы на второй день. Нашли почти у самого дома. Чуток не дошел, упал в снег, уснул и замерз.

На этом, пожалуй, и все новости. Пишите вы. Как живете? Поздравляй супружницу свою, Нину, с восьмым мартом от нашего имени, также дочку свою, Лизавету. Очень она тут всем приглянулась. Приезжайте. Будем ждать вас.

На это – до свидания.

Сестра твоя двоюродная Евгения».

СКАЗОЧНЫЙ МИР ПЕРВОЦВЕТА

Николай Мурынкин

Лауреат конференции «Молодость. Творчество. Современность» в 1998 г.

КОРОЛЕВСКИЙ ЧАЙ

Августовский день был сумрачным. Несмотря на то, что дождя не было, по городским улицам плыли мокрые от тумана зонты. Продавщица цветов на углу большой улицы, казалось, дремала. Нежным товаром ее никто не интересовался, и она грезила в полусне громадными разноцветными черепахами, ползущими мимо нее двумя огромными потоками. Город жил своей жизнью. Большие автобусы и маленькие автомобили, словно экзотические жуки, гудя, спешили по своим делам, огибая небольшой скверик стремительной рекой, а сонные деревья в нем, устав от холода и тоски, дрожали.

Молодой воробей уже успел поживиться краюшкой хлеба, и теперь сидел на карнизе каменного дома, распушив свои перышки. Он был сыт. Недоклеванная хлебная корочка лежала рядом, и воробей теперь размышлял, куда бы ее спрятать. Отсюда, с карниза, была видна почти вся улица с ее спешащей и суетной толпой. Нахолившись, воробей время от времени задремывал и, вздрагивая, крутил по сторонам головой.

Неожиданно на карниз свалился сизый голубь. Запыхавшись, он вращал глазами и часто дышал. По-

косившись краем глаза на хлебную корочку, голубь встряхнулся и присел, всем своим видом показывая, что желает отдохнуть именно на этом карнизе.

— Не повезло нам в этом году с погодой, — обратился он к воробью.

Воробей кивнул, но отвечать не стал, а только подвинулся ближе к своему провианту. Пройдохи вроде этого голубя всегда считали себя птицами городскими, и на воробьев и прочих простаков смотрели с высокомерием, а посему от них можно было ждать только неприятностей.

— Следует отметить, что погода — дело проходящее, — заговорил снова голубь. — Но для меня большую важность имеют личные переживания.

После этих слов голубь с философским видом задумался. Задуматься было от чего. Воробей, абсолютно ничего не поняв из всего этого, нахолил перышки и удивленно посмотрел на оратора. Немного поразмыслив, голубь воскликнул:

— Ба! Пять часов. Скоро начнется прием у королевы. Мне нужно поторопиться. В это время королева приглашает всех желающих на чай, а отказаться от дармового угощения, по-моему, просто глупо.

Он краем глаза посмотрел на воробья и продолжил:

— Я мог бы, конечно, взять тебя с собой, но, судя по всему, тебя тяготит излишняя часть провизии, что зачерствевав, скоро станет несъедобной. Что ж, мирские заботы тянут к земле, не давая воспарить над суетой.

Голубь в своем монологе явно намекал на хлебную корочку. Побывать на приеме королевы для воробья было заманчиво, и он очень быстро, хоть и не без грусти, решил променять ее на посещение столь интересного мероприятия. Сделка была заключена быстро. Склевав корочку, голубь сорвался с места, сильно захлопав крыльями, и полетел в сторону городской площади. Воробей поспешил за ним.

Вскоре птицы подлетели к тому месту, где гранитным монументом возвышался трон властной некогда женщины.

На королевском приеме уже собралось много народу. Птицы всех пород и категорий размещались на ветвях близлежащих деревьев. Их, казалось, совсем не пугал гул спешащих авто и суетливая толпа на пересечении улиц. В ветвях ив неподалеку даже спряталась ворона. Она не подавала оттуда никаких звуков, но ко всему прислушивалась, сверкая черным внимательным глазом.

Прием уже начался. Голубь и воробей уселись на стриженные ветки кустарника, несколько сбоку от королевы. Та величественно и грозно посмотрела на опоздавших и продолжила свою речь:

— Сейчас я несколько отошла от политики, но смею вам признаться — это ужасно грязное дело...

Голубь немного покрутился на месте, после чего посоветовал воробью слушать внимательно, и куда-то исчез. Королева помолчала, о чем-то раздумывая, и заговорила вновь:

— Помню, кто-то сказал, что искусство политики состоит в том, чтобы уметь распознать и уничтожить врага. Боже мой! Какая мудрая мысль!

Королева время от времени веером отпугивала самых назойливых птиц, что пытались сесть на ее царственные плечи.

— Конечно! Вот так и бывает! Стоит королеве немного задремать, как поданные уже готовят заговор против нее. Какая трагическая участь!

Она задумчиво смотрела вдаль, поверх слушавших, и, казалось, заново переживала свой уход с высокого поста. Заговор! Такое страшное слово имело в ее представлении самое черное значение не столько лично для нее, сколько для пользы государства.

— Великая империя рухнула, и теперь эти черные люди танцуют на обломках. Что ж, я могу уйти на покой. Но лишь для того, чтобы набраться сил. Мой час еще впереди!

Для всех присутствующих речь королевы была мало понятна. Кроме того, птицы ждали угощения и уже потеряли на это всякую надежду. Обещанным королевой чаем не пахло и толпа начала роптать.

Голуби то и дело посматривали по сторонам, птицы поменьше шептались. Даже ворона в ветвях ивы чертыхнулась и, качаясь и громко обламывая ветки, выдала свое присутствие, чем в принципе никого не удивила.

– Ваше величество, – обратился к королеве кто-то из голубей. – Как же все-таки насчет чая?

– Да, кстати, насчет чая, – снова заговорила королева. – Они рано поспешили избавиться от колоний. Теперь страна вынуждена закупать товары в других странах, а это невыгодно для интересов моих подданных, которые иногда оказываются просто выброшенными на улицу.

Королева, говоря о своих подданных, как бы между прочим указала на собаку, что слушала ее речь, сидя на задних лапах. Собака удивленно возразила:

– Вовсе я не выброшена. Я сама ушла.

Все уставились на собаку, и та продолжила:

– Конечно, меня не раз выгоняли. В первый раз я сильно испугалась, но хозяйка на утро опомнилась и забрала меня в дом. Потом она меня еще выгоняла и снова за-

бирала, а теперь я сама ушла, не дожидаясь, когда меня выгонят снова.

Сказав это, собака поднялась и, виляя сама себе хвостом, отправилась по делам, которых у нее не было, по пути зачем-то отыскивая чужие следы.

Птицы тоже стали потихоньку разлетаться. Голубь еще некоторое время мелькал среди собравшихся, а потом незаметно исчез. Воробей посидел немного на ветках кустарника, потом взлетел и сделал несколько кругов над величественным памятником. Королева со своей высоты смотрела на пересечение улиц и, казалось, была занята думами о государстве. Грозный и надменный ее профиль долго еще был в памяти улетающего вдаль воробья. Сумрачный день незаметно переходил в вечер. Опустевшие улицы блестели под гроздьями электрических фонарей. Старые дома, качающиеся на мокрых волнах деревьев, проваливались в темноту и только темный силуэт королевы совсем не спешил отправиться на покой, все так же властвуя над маленькими улочками, домами и спящими душами и умами своих подданных.

ОДИНОКИЙ БАКЕН

Все в мире меняется, и только река все так же медленно несет свои воды куда-то на север. Никто не знает, когда река появилась, и никто никогда не узнает, когда она

исчезнет. Река – хозяйка мира, потому что она была всегда.

Иссякли солнечные дни, и словно дым растаяли на бульваре влюбленные парочки. Бакен, что

нес свою службу посреди реки, знал, что все в мире кончается. Он знал, что на смену солнечному свету приходит темнота. Он знал, что где-то там, на самом дне лежит его якорь. Там, в крошечной тьме, плавают большие молчаливые рыбы. Бакен, казалось, чувствовал, как они, проплывая, задевают своими скользкими боками за веревку, привязанную к якорю. Каждый раз от этой мысли он вздрагивал и все отчаяннее светил сквозь ночь своим единственным фонариком.

Стараясь не думать о рыбах на дне, бакен смотрел в сторону большого города, где жили разноцветные огни. В этом городе каждый был занят своим делом. В темноте огни были похожи на бриллианты. Некоторые из них светили ровно и спокойно, другие с шумом и весельем проносились вдоль берега. Над всеми огнями возвышался один – самый главный. Он видел все, всеми руководил и был очень важен.

Вдали от веселья и шума бакен нес свою службу. Когда большое светило пряталось за край земли, бакен загорался своим огоньком. Мимо него бесшумно проносились ночные птицы, важно проплывали большие корабли и маленькие лодки, но теперь они пропали, словно их и не бывало.

– Когда-нибудь, – говорил сам себе бакен, – все исчезнет и миром завладеет темнота.

Такие мысли его пугали и, стараясь не думать о страшном, бакен смотрел на волны, которые медленно уносили с собой мелкие веточки, листья и разный мусор.

Лето кончилось, и все чаще холодные туманы стали прятать одинокий бакен от огней большого города. Когда становилось совсем холодно, бакен забывался сном и мимо него проносились видения прошлого.

Когда-то давно, после июльской грозы, ветром принесло маленького мотылька. Обессилев от борьбы с ветром, он ухватился за жестяной бок бакена. Поблагодарив за спасение и немного отдохнув, мотылек рассказал свою историю.

В самом начале лета, когда мотылек был еще совсем юным, на зеленом лугу он услышал веселую песню: «Строим, строим, строим дом» и, помчавшись на звук этой песни, прилетел к звенящему улью. Трудлюбивые пчелы что-то строили, куда-то спешили и были чем-то заняты. Мотыльку так понравилась пчелиная песня, что он решил остаться в улье и заняться каким-нибудь делом. Недолго думая, он отправился к пчелиному королю. Как ни странно, королем пчел оказался обыкновенный шершень. Мотылек очень удивился, но пчелы его успокоили и сказали, что хоть он и шершень, все же на самом деле настоящий трудяга.

– Для начала научись собирать нектар, – сказал король пчел. Мотылек помчался собирать нектар, но поскольку совсем не умел этого делать, то чуть не утонул в росинке, что сверкала внутри колокольчика.

– Не получилось с нектаром, попробуй научиться носить воск, – посоветовал король.

Мотылек схватил небольшой кусочек воска, но так как никогда

ничего не носил, быстро устал и только заслужил насмешки пчел.

– Что ж, попробуй научиться строить улей, – сказал шершень.

Снова мотылек взялся за работу, только вот никогда он ничего не строил и только испортил то, что уже было построено другими.

Бедный наш мотылек!

– Неумеха и неляпа! – рассердился шершень. Он помчался за мотыльком, сверкая зелеными глазами и злобно гудя. Еле-еле наш глупыш унес ноги. Вскоре после этого он и попал в гости к бакену.

Когда мотылек набрался сил и обсох, его подхватило ветром и унесло куда-то вдаль. Теперь бакен среди холода ночи часто вспоминал мотылька и грустил от одиночества.

В небе мелькали искры звезд, по дну течением несло ил и песок.

– Там, далеко в небе, светят улетевшие с земли огоньки бакенов, – рассуждал в одиночестве наш герой.

Ночь была темна. Звезды в небе светили безучастно, ничего и никогда не согревая своим холодным светом. Они были так далеко, что, наверное, никто в мире не мог бы до них докричаться.

– Куда же все исчезает? – в отчаянии кричал в темноту озябший бакен; огонек его становился все слабее и слабее, и не было уже сил разогнать мглу вокруг.

– Неужели уже ничто не вернется? – спрашивал бакен далекие звезды.

По воде понесло колючие льдинки, ветер становился все холоднее. Стужа и мгла заковывали мир в свои сети, и все замирало, подчиняясь им.

В тот миг, когда бакену почудилось, будто тьма и холод добрались и до него, вдруг стало светло и вокруг бакена закружили маленькие белые мотыльки. Казалось, с небес спустилось серебряное облако. Мотыльки тихо пели ангельски красивую песню и кружились в своем медленном танце. Один мотылек опустил на плечо бакена и тихо сказал:

– Ну вот я и вернулся, а ты думал, что в мире ничто не повторяется.

Мотыльки еще долго порхали над водной гладью, закутывая реку в белый саван, и к утру, когда вдали заалел рассвет, весь мир укрылся чистым, как туман, первым снегом. Огонек бакена же той ночью погас совсем.

ПОДУШКА

Да! Сельский дом – это вам не городская квартира. Летом все самое интересное происходит во дворе. Сколько тут простора, воздуха и солнца! Бревчатые стены дома с

капельками засохшей от времени смолы просто дышат теплом. А сколько здесь зелени! Малиновые кусты достают до высоких окон, мята по краям тротуара хватается за ноги

всякого, кто вздумает пройти мимо, а смородина таится у забора от ветра, который с утра до ночи играет ее ветками и, балуясь, обрывает цветы.

Этот день был солнечным. Курь важно расхаживали возле сарая и косились сквозь сетку ограды на грядки с зеленью, лохматый пес, только что пообедав, спал возле поленицы дров.

Хозяйка с утра повесила на бельевую веревку одеяло. Оно всегда умело приспособиться и обыграть свое положение. Сейчас одеяло представляло себя театральным занавесом, причем с режиссерскими наклонностями. Оно само решало, на что всем следует открыть глаза, а что можно только приоткрыть или совсем спрятать.

Хозяйка выволокла на свежий воздух даже полосатый матрас и набросила его на лестницу, что ведет на чердак.

Матрас же испугался и сник. Ему куда лучше было бы сейчас валяться на кровати, чем болтаться здесь у всех на виду.

– Тюфяк тюфяком, – тихо ворчало про него одеяло.

Подушки были подвешены к бельевой веревке прищепками. Одна подушка дремала, утомленная полуденным солнцем, а другая разглядывала облака, что плыли по небу. Ветерок раскачивал ее, и она, вздыхая, витала в своих сладких грезах и мечтала превратиться в изящное, маленькое облачко. Очнувшись и забеспокоилась она только тогда, когда мимо полетели белые пушинки.

Подушка не на шутку испугалась. Она принялась осматривать

свои бока, но когда поняла, что это всего лишь пух одуванчика, успокоилась.

– Счастливые вы, одуванчики! – сказала она цветам, что росли у тротуара. – Можете лететь, куда вам вздумается. О чем еще можно мечтать!

– Конечно, о дожде, – ответили одуванчики. – Ах! Если бы сейчас пошел дождь. Наши листики совсем завяли.

– Вот уж фантазии, – пробурчала подушка. – Как можно мечтать о такой глупости, как дождь?

– Да, да. Сейчас дождевой водички совсем бы не помешало, – отозвался из-за дома деревянный бочонок. – Я наполовину пуст, мои бока от жары готовы просто рассохнуться.

– Этому бы только воду хлебать, – сама себе прошептала подушка.

«В этом дворе я, видно, одна мечтаю о возвышенном», – мелькнула у нее мысль.

Подушка оглядела двор и краешек палисадника. Там под гамаком сидела лягушка и сквозь его квадратные дырки с тоской смотрела на облака. Подушка сначала обрадовалась, поскольку подумала, что нашла родственную душу, но, как выяснилось, лягушка совсем не хотела становиться облаком, и, более того, она тоже ждала дождя.

Время тянулось незаметно. Подушка долго размышляла обо всем, поглядывая на облака.

Совершенно случайно мимо пролетал ангел. Он выслушал рассказ подушки, что все на свете мечтают только о том, чтобы напиться,

и лишь она одна – об облаках. Ангел коснулся подушки серебряным крылом, и подушка взлетела. Она могла летать, но только до вечера, как предупредил ее ангел. И подушка полетела на небо. Она поднималась все выше и выше и, наконец, увидела огромную тучу, похожую на большой дом. Подушка влетела в раскрытую дверь и очутилась в приемной небесной канцелярии. Здесь было душно и тесно, и кругом толпились, ожидая своей очереди, облака. Все они ждали распределения. Ну и намаялась же подушка в этой сутолоке! Она уже начала переживать, что скоро наступит вечер и она никуда не успеет, но все-таки дождалась своего часа. В кабинете, за огромным столом с чернильными приборами и кипами бумаг, сидела вся в отвратительных бородавках пучеглазая жаба. Она устало выслушала подушку о том, что одуванчики, полупустой бочонок и лягушка под гамаком мечтают о дожде, и молча кивнула головой. Потом подушка рассказала, что сама уже давно хочет стать облаком и это ее самая заветная мечта. На это жаба тоже ничего не ответила, а только подняла вверх указательный палец на перепончатой лапке. Она, видимо, наме-

кала на свое высшее начальство. Подушка сильно расстроилась. К высшему начальству она идти побоялась и решила вернуться домой. Подушка так сильно переживала, что даже не смогла как следует зацепиться за веревку прищепками и бухнулась прямо на землю. Она лежала и думала, что просила и унижалась за одуванчик, бочонок и лягушку, а они ради нее даже пальцем не пошевелили бы, и что все могут только плакаться в нее, а она должна всех выслушивать и всем помогать.

Вскоре пришла хозяйка. Она отругала подушку за то, что та свалилась с веревки, и даже немного ее поколотила. Подушка смиренно приняла наказание, думая, что так всегда бывает: живешь только для других и за это получаешь оплеухи и тумак.

Вечером в небе сгустились тучи. Хозяйка забрала ее, другую подушку, одеяло и матрас в дом. Пошел дождь. Подушка лежала на кровати с сильной болью и думала, что одуванчик, лягушка и бочонок сейчас, наверное, радуются и никто из них даже не вспоминает о ней, что теперь она будет осмотрительнее и не будет кидаться во всякие авантюры.

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ МИР ПЕРВОЦВЕТА

РЕЦЕНЗИЯ

на фантастический рассказ Г. А. Уварова «Частная собственность Мориса Харела»

Рассказ Германа Уварова относится к разряду сюжетных. Главная сложность подобных рассказов заключается в необходимости придумать правдоподобную и внутренне непротиворечивую историю. Любой фантастический рассказ изначально ирреален, в то же время мы требуем от автора убедительности и достоверности, словно речь идет о урядном, обыденном явлении. Но этого мало: нужно еще, чтобы придуманная история задела читателя за живое, была близка ему. Пусть действие происходит на неведомой планете за триллионы километров от Земли, пусть отнесена во времени на тысячи лет – беды нет, – так или иначе, разбираемая проблема и рассматриваемая ситуация должна быть понятна читателю.

Вот почему так нечасты удачи у фантастов. У начинающих же авторов почти невозможно встретить рассказ, отвечающий названным требованиям. Но от начинающего и не требуют стопроцентной удачи. Просто связный рассказ – уже хорошо. Если он вызывает доверие – отлично. Если рассказ еще и затрагивает важную проблему – великолепно! Это та самая удача, которая далеко не всегда дается даже маститым писателям.

Столь длинное вступление показалось мне оправданным потому, что рассказ Германа Уварова «Частная собственность Мориса Харела» показался мне той самой удачей, которую ловит каждый фантаст. При всех недостатках рассказа, он обладает тремя несомненными и главными достоинствами:

1. Интересный фантастический сюжет.
2. Достоверность рассказа.
3. Актуальность затронутой проблемы.

В рассказе показано общество будущего, в котором процветает каннибализм. Дошло до того, что специально выращивают людей, чтобы прилюдно расчленять тела и, образно говоря, упиваться горячей кровью. Открыты специальные театры, где расчленение приняло формы некоего спектакля, в котором принимают участие и зрители. Показаны и корни подобного явления – к таким уродливым формам привело развитие трансплантологии – направления, бурно развивающегося в наши дни. Мы, конечно, надеемся, что с нами не произойдет ничего подобного. Однако все может быть. И автор верно угадал подстерегающую нас опасность.

В традициях фантастов сгущать краски, показывать крайнее, характерное развитие событий. Именно в этой характерности – ключ к пониманию проблемы. Я не противник научного прогресса, но все мы должны помнить об ответственности, которую накладывает на нас ЗНАНИЕ. Почти все крупные открытия так или иначе, в большей или меньшей степени – использовались и во вред человеку (наряду с огромной и несомненной пользой). Но штука в том, что открытия делаются все крупней, «эпохальнее», и, соответственно, разрушительный потенциал их растет: и однажды может так выстрелить, что от цивилизации ничегошеньки не останется. Вот какие мысли навеивает рассказ никому пока не известного Германа Уварова из Нижнеудинского района.

Александр Лаптев
Член Союза писателей России

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ МОРИСА ХАРЕЛА

Фантастический рассказ

«Пристегните ремни, корабль приближается к планете ЗЕТ-2, Мориса Харела».

Небольшой полицейский катер вошел в зону притяжения планеты, и с планеты запросили сведения о цели визита.

— Я лейтенант астрополиции Майк, — доложил о себе единственный член экипажа полицейского катера. — Я прибыл по поручению правительства Земли для сбора сведений о пропавшем человеке по имени Стивен.

— Какого он был происхождения? — запросили с планеты.

— Он был Землянин, — ответил Майк.

— Вы допускаетесь на планету, — сообщил диспетчер. — Имеем обязанность предупредить Вас, что с этой минуты Вы находитесь на территории частной собственности Мориса Харела и должны выполнять действующие на планете законы. Хорошего Вам здоровья, лейтенант!

Майк хотел было поблагодарить в ответ, но воздержался.

Морис Харел — мультимиллиардер, известнейший хирург по трансплантации органов человека, могущественный, как сам господь бог,

владел этими тремя планетами в созвездии Пегаса. Планеты не имели названий, а только номера: ЗЕТ-1, ЗЕТ-2, ЗЕТ-3.

Морис Харел купил эти планеты несколько лет назад. Купил недорого, конкурса не было, долго не торговались. Планеты после разработки руд были пусты, как использованные картонные коробки. На поверхности планеты оставались жить несколько миллионов бывших рудокопов, не нашедших себе работы в других уголках вселенной. Космическое сообщество нужды в рабочих руках не испытывало, и если дорогостоящих роботов после разработки руд эвакуировали, то изработанных людей посчитали за издержки рудопроизводства.

— Проверьте ремни, приготовьтесь к посадке, — предупредил корабельный автопилот и пожелал (возможно самому себе): — Счастливой посадки!

В космопорту, сразу после посадки, Майк прошел в служебный отдел таможни, где представился:

— Лейтенант астрополиции Майк, прибыл с визитом сканирования для сбора сведений о пропавшем человеке.

– Присаживайтесь, лейтенант, – предложил Майку толстый человек в форме капитана таможенной полиции и поинтересовался: – какой степенью допуска вы располагаете?

Лейтенант ловким движением вынул из своего нагрудного кармана небольшую пластиковую карточку оранжевого цвета.

Таможенник внимательно и неторопливо изучил карточку на ощупь, на просвет, понюхал и только после этого сунул в компьютер.

– Вам, лейтенант, разрешается передвигаться по планете в течение месяца, начиная с сегодняшнего дня, иметь при себе личное транспортное средство и индивидуальное оружие малого класса. Вы можете рассчитывать на поддержку со стороны местных властей. Допуск к архивам – в общем порядке.

Карточка выскочила из компьютера, и лейтенант вернул ее на прежнее место – в свой нагрудный карман.

– Удачи Вам, лейтенант! – пожелал таможенник вслед уже спешащему на выход лейтенанту.

Клон Стивен – ректаймер с Земли – прибыл на планету ЗЕТ-2 по редакционному заданию газеты «Новое время» на два месяца, однако срок возвращения истек полгода назад, а от Стивена не было никаких вестей. На официальный запрос газеты власти ЗЕТ-2 сообщили, что им судьба и настоящее местонахождение ректаймера Стивена неизвестны.

Лейтенант Майк вышел из корпуса космопорта и осмотрелся. Све-

тило яркое, знойное солнце, дул слабый ветерок, радостно сверкали капельки водоимитатора в струях огромного фонтана на площадке перед космопортом.

– Желаю удачи! – промолвил Майк и решительно ступил на асфальтированную дорожку.

На площадке перед космопортом кроме огромного, недавно отстроенного фонтана возвышались здания гостиницы, ресторана, многоэтажный автогараж, туристического агентства и немного в стороне – огромная белая глыба под названием «Приемные покои межпланетной клиники трансплантации человека доктора Мориса».

Майк двинулся в направлении автогаража.

Взяв на прокат небольшой, но достаточно быстроходный электромобиль, он вскоре уже двигался в направлении города.

С приобретением этих планет доктором Морисом жизнь на них круто изменилась к лучшему. Корпорация «Доктор Морис» быстро организовала поток многочисленных туристов на эти планеты. Корпорация «Доктор Морис» имела свои отделения во многих уголках человеческой вселенной и пользовалась заслуженной доброй репутацией. Туристы валом валили на планеты Мориса. Кто-то ехал посмотреть на диковинный образ жизни, кто-то – поменять себе органы, к примеру, печень или сердце, поменять кривые ноги на стройные, толстую кожу на тонкую, поменять руки, глаза, мозже-

чок и даже левое полушарие головного мозга.

В первый день своего пребывания на планете Майк решил не торопить события и немного осмотреться, посетить места общественных гуляний, театры, зайти в магазины. На второй день можно было сделать официальные запросы в городскую полицию, архивы, местное общество ректаймеров, дать объявления в средствах массовой информации.

Месяц на поиски пропавшего ректаймера был небольшим сроком, но регламент межпланетных отношений не позволял большего. Майк надеялся на удачу и трезвый расчет.

В первый вечер пребывания на ЗЕТ-2 Майк решил посетить «Большой анатомический театр», там как раз шло сезонное представление мезосцен группового самовскрытия. И быть может стоило посетить один из частных анатомических цирков, каких было великое множество на окраине города.

Решив так, немного отдохнув и приняв холодный душ, Майк стал собираться в театр.

В фойе театра было многолюдно, местами слышался смех, возгласы. Во всем царил обстановка слабо сдерживаемого возбуждения. Майк встал у стены фойе, стараясь присмотреться к посетителям. Безусловно, это были состоятельные люди из соседних созвездий. Некоторые, казалось, впервые присутствовали в подобном заведении, они были несколько насторожены. Другие несдержанно смеялись, говори-

ли всякую чепуху и видимо были не новичками.

Наконец прозвучал первый, второй и третий звонки. Все стали дружно занимать свои места в зрительном зале. Погас свет. На некоторое время в зале воцарилась полная темнота. Резко вспыхнувшие прожектора осветили на сцене яркое пятно. В круге света стояла худенькая девочка на вид лет тринадцати, с большими белыми бантами на голове, в коротком ярко-красном платьишке. Она держала в руках микрофон. В зале воцарилась полная тишина.

– Добрый вечер, уважаемые Дамы и Господа! – заговорила девочка неуверенным тоненьким голоском. – Спасибо, что вы посетили наш театр сегодня, ибо сегодня вы станете свидетелями акта самовскрытия. Во благо нашей планеты! Во благо вселенского человечества!

Девочка неловко наклонилась. Затем еще раз. В зале раздались неуверенные первые хлопки аплодисментов, и затем вдруг, как вал воды, на сцену обрушились свист, крики, овации.

Девочка опять поднесла микрофон к своим губам. Она зачитала краткий сценарий, действующих лиц и исполнителей. Затем, быстро поклонившись, убежала за кулисы.

В зале опять повисла тишина. Майк поднес к глазам взятый в фойе бинокль. С высоты своего балкона он стал внимательно разглядывать лица людей в зрительном зале. Лица были разные, рав-

нодушные и трепетные, широкие и вытянутые, молодые и старые.

На сцене тем временем послышалось какое-то движение, занавес поднялся и перед зрителями предстала обстановка воссозданного домашнего, семейного уюта.

Бабушка в кресле вязала носки, дети играли на полу, седоволосый дедушка читал в кресле-качалке газету. С предполагаемой кухни доносились голоса молодых мужчины и женщины. Они спорили о том, какое сердце вкуснее приготовить, мужское или женское. Наконец, они сошлись на мнении, что любое сердце хорошо, лишь бы оно было помоложе. Решив так, мужчина стал одеваться, собираясь в магазин.

– А что, Ник! – вдруг оторвавшись от чтения газеты, обратился дедушка к собирающемуся мужчине. – Может, нам сегодня приготовить нечто особенное? Давай закажем по телефону девочку или мальчика и приготовим в собственном соку?

Мужчина перестал одеваться и пожал плечами:

– Дорого встанет.

– Ну можем мы хоть иногда позволить себе маленькую роскошь? – не унимается дед.

– А почему бы и нет? – вступила в разговор бабушка. – Приготовим потрошки.

Мужчина все еще колебался, когда в комнату вошла молодая хозяйка. Она спросила у играющих на полу детей:

– Ну а вы как? Свежих потрошков не хотите?

– Хотим! Хотим! – наперебой закричали дети.

В этот момент лейтенант Майк оторвал от глаз бинокль и покачал головой. Он пожалел, что в начале спектакля плохо слушал сценарий.

На сцене вновь появилась та самая девочка в ярко-красном платьишке. На этот раз она была без банта, в белой шапочке, белых носочках и длинных перчаточках до локтя.

– Худая какая-то! – заворчала бабушка, критически осматривая и ощупывая девочку.

– Ничего! Жир вредно влияет на здоровье! – затараторила молодая хозяйка, вынося на сцену вместе с мужем гладкий анатомический стол с набором кухонного инструмента для разделки мяса.

– Ну что стоишь, как вкопанная! – закричала на девочку-жертву бабушка. – Полезай на стол! Не силой же тебя укладывать!

Девочка послушно сняла с себя платьишко, поправила на ногах носочки, заправила тщательно волосы под белую шапочку, разулась и легла на стол.

– Холодно! – пожаловалась она жалобно.

– А ты чего стол не подогрела? – упрекнул молодую хозяйку дедушка.

– Ничего! – отмахнулась та, пробуя пальцем ножи на остроту.

Наконец, выбрав один из многочисленных кухонных ножей, женщина ласково предупредила лежащую девочку:

– Тебе будет больно, но ты постарайся не кричать и не дергаться.

Девочка в ответ лишь слабо кивнула.

– Дай-ка, может, я сам! – попросил жену супруг, беря из ее рук мясной нож. – Все-таки это мужское дело – мясо разделывать, – пояснил он.

– Может, обезболить? – спросил мужчина, подступая к девочке.

Та в ответ отрицательно покачала головой.

Мужчина вздохнул, примериваясь, как лучше начинать резать, и затем уверенно повел ножом по груди.

– Ой! – вскрикнула девочка.

– Ой! – откликнулось в зрительном зале, и несколько Дам в первом ряду лишились чувств. Засновали туда-сюда санитары, запахло нашатырным спиртом.

– Ой! – вскрикнула в последний раз девочка, когда мужчина углубил нож в грудную полость.

– Очень важно, – заговорил он обращаясь к супруге, – дать стечь всей крови при еще работающем сердце. Тогда мясо получается бескровным, чистым и нежным.

На балконе лейтенант Майк опустил от глаз бинокль, потер ладонью лоб и тихо прошептал:

– Каннибалы!

Тем временем сценическое действие продолжалось. Умертвив и разделив на части девочку, дружная семья поставила вариться потрошки. Молодая женщина позвонила друзьям, приглашая их на ужин. Вскоре на сцене собралась неболь-

шая, но шумная и веселая компания. Дегустировали потрошки, много говорили о достоинствах различных частей тела, делились рецептами. К застолью пока не приступали, ожидали главного гостя.

Наконец на сцене появился прадедушка семейства. Выехав на сцену на механическом кресле, без обеих рук и ног, он весело подмигнул своим единственным глазом и призвал собравшихся закончить болтовню и приступить к ужину. Сам дедушка за столом ловко пользовался механическими манипуляторами.

На переднем плане захмелевшие молодые женщины негромко переговаривались между собой:

– А что, милая подружка, не поменяться ли нам с тобой ногами? – предлагала одна.

– А почему бы и нет? – отвечала вторая.

В этот момент театрального действия лейтенант Майк на балконе демонстративно встал и покинул театр. Благо, что, одетый в полицейскую форму, он имел на это право.

Спустя полчаса Майк уже ехал в своем электромобиле на окраину города. Он искал анатомический цирк «Зашиито».

«Наш цирк маленький, но все его знают» – так значилось в проспекте.

– Я не знаю! – выругался Майк.

На подъезде к цирку он с трудом смог припарковаться. Множе-

ство машин заполнили все прилегающее пространство вокруг цирка.

Стоимость билета в цирк оказалась довольно высокой, но для астрополицейского это не имело значения.

Видя, как небрежно Майк протягивает в окошко кассы пластиковую межпланетную кредитку, кассир спросила:

– Вам билет «с участием»?

Не понимая, о чем идет речь, Майк тем не менее подтвердил:

– Да!

Стоимость билета сразу увеличилась.

– В каком действии? – поинтересовалась похожая на ведьму женщина-кассир.

– В последнем, – не раздумывая, ответил Майк.

Через пару секунд он получил свою кредитку в паре с пластиковым билетом.

Место было не самым удачным, далеко от арены, благо, следуя своей привычке, Майк взял за дополнительную плату бинокль.

В ожидании циркового действия Майк рассматривал посетителей. И тут... такое случается раз в жизни... Майк сразу увидел того самого человека, за кем он прибыл на эту планету. Лицо было несколько худоватым, но Майк почти не сомневался.

Пройти к Стивену сейчас было уже невозможно, многочисленные зрители заполнили битком небольшое помещение цирка, они не только сидели, но и плотно стояли во всех проходах.

Началось цирковое действо. Взвыла трубная музыка, фанфары, на арену выбежал невысокого роста толстенький конферансье:

– Дамы и Господа, Леди и Джентельмены, наш цирк приветствует Вас, и мы надеемся сегодня, как и всегда, быть для Вас неповторимым «Защито»! – свою короткую вступительную речь конферансье закончил на крике и тут же был заглушен валом аплодисментов.

– Дамы и господа! – заговорил торжественно конферансье, успокаивая жестом зрителей. – Сегодня более ста наших посетителей купили билеты «с участием». Это смелые люди. Я знаю, что они не хотят умирать, но искусство для них превыше жизни. Давайте поаплодируем им!

Опять шквал аплодисментов.

Майк расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке, ему вдруг стало душно. На его пластиковом билете ясно значилось: «с участием».

– Полицейского они не посмеют, – попробовал утешить себя Майк, понимая, что на этой планете свои законы.

– Начинаем первое действие! – сообщил конферансье, и опять зазвучали фанфары.

– Говорят, что на нашей планете можно купить все! Это не так. На прошлой неделе я хотел купить себе новые мозги, но со старыми мыслями... – На этом месте конферансье рассмеялся, засмеялся и зал. – Но мне предложили только мозги, а про мысли сказали, что они всегда новые. – Конферансье

опять коротко хохотнул и заговорил уже другим, полным власти и уверенности голосом: – Хорошие мысли никогда не стареют! Дай бог здоровья нашему доктору Морису за его блестящую мысль создать на нашей планете эту поднебесную богодельню!

Дальше Майк уже плохо понимал, что говорили и делали на цирковой арене. На нее выводили одного за другим мужчин и женщин и бесцеремонно резали их на части, примеряя к себе и к зрителям в зале отдельные фрагменты человеческих тел.

Все это происходило под смех и одобрительный шум.

Конферансье был изобретателен и остроумен. Примеряя отрезанную женскую ножку к мужчине из зала, он хохотнул, что она ему очень идет, но заметил, что надо бы заменить еще руки, грудь, живот и головку и, наконец, – супругу на супруга.

Зал смеялся. Майк потел, бледнел и багровел. Человек, похожий на Стивена, сидел в противоположной части зала и, казалось, был совершенно безучастен к происходящему.

«Скорее всего, это Стивен», – утвердился в своей догадке полицейский. Теперь надо было дожидаться окончания представления.

– Последнее действие! – объявил конферансье.

На арену вынесли лототрон.

– Билет номер 2214! – зачитал жребий конферансье и обратился к залу: – Проверьте свои билетки «с

участием» и заодно проверьте билетки у своих соседей справа и слева.

– Нет! – раздался истошный крик, но толпа уже несла на арену человека и небрежно выкинула его на помост.

– Нет! – кричал несчастный обладатель билета номер 2214. – Я миллионер, у меня есть личные астероиды, семья, дети...

Следом на арену выкинули его пластиковый билет.

Конферансье поднял билет.

– 2214, – вслух прочитал конферансье и обратился к миллионеру: – Это ваш билет?

– Да! – обречено подтвердил тот.

В это время в зале возникла какая-то суматоха. Кто-то из зрителей, бросив свой билет «с участием», попытался бежать из зала.

– Давайте его сюда! – попросил конферансье.

Вскоре зрители выкинули на арену еще одно кричащее и барахтающееся тело.

– Вы хотите жить? – конферансье вплотную подошел ко второму неудачнику. – Как вы знаете, никто не имеет права покидать цирк до окончания представления. Вы знали это?

– Да! Но я хочу жить! – яростно дыша, возопил беглец-неудачник.

– Зачем вы купили билет «с участием»? – поинтересовался конферансье.

– Это мое право! – возопил мужчина.

– Вы наверняка хотели острых ощущений? – задал вопрос конференсье.

– Да! Да! Да! – закричал незадачливый зритель «с участием».

– И вы их получите! – восторженно воскликнул конференсье и тут же был заглушен фанфарами и шквалом аплодисментов.

Тем временем на арену вынесли на подносе обычный тупой столовый нож. Конференсье торжественно вручил его любителю острых ощущений.

– Вам дается преимущество! – вручая нож, сообщил конференсье.

Музыка смолкла. В зале повисла тишина.

– Представьте себя гладиатора-ми древнего Рима, – обратился конференсье к двум неудачникам.

Два человека на арене замерли в нелепых позах, похожие на загнанных и запуганных зверей.

– Расслабьтесь! – засмеялся конференсье. – И... принимайтесь за дело!

Зал взорвался свистом и ревом восторга, когда двое мужчин, осознав всю безысходность создавшегося положения, яростно скинули с себя пиджаки и рубашки и приняли боевые стойки.

Все решилось быстро. Владелец билета 2214, выбив нож, сломал любителю острых ощущений шею. Затем он вскрыл грудину неудачника и вырвал из груди еще колыхающееся сердце.

– Съешь его! – крикнул кто-то.

– Съешь его! Съешь его! – скандировал зал.

Мужчина на арене яростно оторвал кусок от еще горячего сердца, прожевал его и кинул сердце в зрительные ряды.

– Дамы и Господа! – опять вышел на арену конференсье. – Давайте поздравим сегодняшнего нашего счастливого, обладателя билета 2214, ошибочно принятого нами в начале как за неудачника.

Зал зааплодировал. Новоявленный гладиатор победоносно ходил по цирковой арене, размахивая окровавленными руками и раздаривая дамам воздушные поцелуи. Вскоре он обтер руки и лицо о предложенное полотенце и вернулся на свое место в зрительном зале.

– 3167, – зачитал конференсье следующий жребий. В зале опять поднялась суматоха, стали искать обладателя этого билета.

– У тебя какой номер? – спросил Майка сосед справа. Майк в ответ не пошевелился.

– Покажи свой билет! – потребовал от Майка сосед с другой стороны и при этом подозрительно прищурился.

Майк крепко держал свой билет «с участием» в сжатом кулаке. Его раздирало желание кинуть этот билет в рожу соседу справа и соседу слева, в рожу всем присутствующим в этом зале, но он спокойно, медленно разжал кулак и миролюбиво показал свой билет.

– 3161, – вслух прочитал кто-то из-за плеча Майка.

Тем временем на арену вытолкнули человека с билетом 3167.

Мужчина сопротивлялся и сообщал всем, что он очень хочет жить.

– Дайте ему шанс! – слышалось из зала.

Конферансье на секунду задумался и обратился к зрительному залу:

– Ну как? Дадим ему шанс?

– Да! Нет! – вразнобой закричали из зала.

– Дадим! – заключил конферансье.

На сцену вынесли устройство, с виду похожее на детскую карусель.

Помощники связали жертву по рукам и ногам и закрепили на одном из пяти железных сидений.

На других сидениях закрепили вышедших из-за занавеса двух молодых девушек, одного мальчика и одного старика.

– Делайте ставки, Господа! – обратился конферансье к зрительному залу. – Карусель проворачивается три раза, твое из пяти будут подброшены катапультой под самый купол цирка и разобьются об эту твердую арену. – Конферансье потопал ногой по арене как бы желая убедиться в ее твердости. – Делайте ставки на трех из пяти. И, как говорил бессмертный поэт, нет смерти прекраснее, чем смерть в полете!

Обладатель билета номер 3167 плакал, вспоминая своих родных и близких, прощался с детьми и просил господа о снисхождении.

Четверо других добровольцев были аборигенами. В случае везения им полагалось солидное вознаграждение, в случае гибели родст-

венники получали значительную компенсацию.

– Делайте ставки, Господа! – в последний раз поторопил зрителей конферансье и провел рукой черту по воздуху.

Карусель начала свое медленное вращение.

Первый хлопок – и в воздух полетел обладатель билета 3167. Весь свой недолгий путь под купол цирка и назад, на твердую арену, он сопровождал истошным: – А-а-а-а!

Следом за ним улетели в мир иной старик и одна из девушек.

Конферансье объявил выигрыш по ставкам. Сцену быстро и без излишней суеты прибрали. Карусель унесли.

Последним номером было любительское расчленение.

Обладателю билета номер 3120 выпала часть расчленив заживо привязанную к распятью молодую девушку.

Он сделал это с огромным омерзением, но добросовестно.

На этом представление завершилось. Конферансье тепло попрощался со всеми, поблагодарил за участие и пожелал всем хорошего отдыха. Зрители усталые, но счастливые, стали покидать зал, негромко переговариваясь охрипшими голосами.

Майк старался не выпустить из вида мелькающий затылок Стивена. Выскочив из дверей цирка на улицу, Майк забрался на высокую изгородь, пытаясь отыскать знакомый силуэт. Наконец ему это удалось.

Догнав Стивена, Майк представился, затем спросил:

– Клон Стивен, по каким причинам Вы не покидаете ЗЕТ-2?

– Для чего? – несуразно спросил Стивен.

– Вам нравятся эти зрелища? – ужаснулся Майк. – На какие средства вы здесь живете?

– Участвую в массовках, – пожал плечами Стивен и вдруг предложил: – Пойдемте со мной! У меня есть знакомые среди аборигенов, посидим, поговорим, выпьем по сто грамм здешней водки.

– Вообще-то не положено, – неуверенно возразил Майк, но пошел следом за Стивеном.

Пройдя квартал, они свернули в темный переулок, прошли через арку во двор дома, в первый подъезд, поднялись на второй этаж. Стивен долго держал кнопку квартирного звонка.

Дверь открыла пожилая женщина:

– А, это Вы? Проходите! А кто это с вами? Полиция? Мы вроде бы ни в чем не провинились.

– Нет, нет! – поспешил утешить ее Стивен. – Это мой друг, он из АСТРОполиции. Он прилетел, чтобы забрать меня отсюда.

Женщина провела гостей на кухню. На столе появилась бутылка спирта, салат, бутылка воды, отваренное мясо.

– Чем богаты, тем и рады! – сообщил извиняющимся голосом хозяин и поставил на стол стаканы.

– Мясо не человеческое, телячье, не бойся, – сообщил Майку

Стивен, кивая на закуску. Хозяин при этом удивленно посмотрел на Стивена, но ничего не сказал.

– Спасибо, я не голоден, – вежливо ответил Майк. Однако от полстакана спирта не отказался.

– Я не помню, с чего началось, – начал свой рассказ седой, подобревший от спирта хозяин. – Молодежь – той покоя нет, все выдумывает. А тут еще нашу планету купил этот самый доктор. Ну и завертелось, понеслось – трансплантанты, органы, люди на заказ, человеческие фермы, донорская сперма. Цирки открыли, театры. Но ведь там все ненастоящее, люди на фермах выращены, как дикие животные, и адресированы. И потом, им ведь не больно, их обезболивают, – почему-то вдруг стал оправдываться за доктора Мориса этот седоволосый абориген. – А что их жалеть? Что я, сперму свою жалею, что ли? Я ее лучше на ферму сдам, чем в унитаз выкидывать. А на эти деньги вот и воду себе куплю, и пожрать, и спирт иногда, – хозяин тряхнул седыми волосами. – Нет! Правильное это дело. Мы, старики, всю жизнь в рудниках проработали, заработали себе право нормально дожить свою старость.

Старик молчал, затем крикнул:

– Ну а что делать, если тут на планете ничего не осталось, ни руды, ни воды. Вот только люди и остались...

– Почему на Землю не хочешь возвращаться? – опять спросил Майк у Стивена.

– Куда? – возопил пьяный Стивен. – На Землю? К этим каннибалам? Это Земля все устроила во вселенских масштабах, этот каннибализм. Это там жрут тех, кто остался на нерентабельных планетах. Это там нет дела до будущего этих людей. Все решает единственно полезность Земле. А если полезности для Земли никакой, так жрите самих себя!

Покидали гостеприимный дом глубоко за полночь. Стивен, с трудом передвигаясь на неверных, пьяных ногах, беспрерывно ругался, стараясь ни о ком не забыть. Майк как мог тащил его по темной улице, озираясь по сторонам, к своему электромобилю.

– А ты что, Стивен, изменишь, находясь здесь? На этой ЗЕТ-2? – спрашивал Майк у Стивена.

– Я культурный человек! – отвечал Стивен. – ЗЕТ-2 нужны культурные люди, чтобы была цивилизация!

– Такая, как на Земле? – интересовался Майк.

– Да, Майк! Да! – брызгая слюной, возопил Стивен.

– Но ты же сказал, что на Земле живут только каннибалы? – возражал Майк.

– Там живут культурные каннибалы, – устало выдохнул Стивен и без чувств повалился на мостовую.

Майк попытался было поднять Стивена, но не смог. Достав из маленького внутреннего кармана небольшой шприц, Майк сделал Стивену укол в бедро и уложил обездвиженное тело на газон рядом с дорогой. Быстро сходил за своим электромобилем. Загрузив Стивена в машину, Майк поехал напрямиком в космопорт.

Через два часа крепко спящий Стивен отбыл на малом полицейском катере с планеты ЗЕТ-2 рейсом до Земли.

На таможне спросили:

– Что везете?

– Собственность правительства Земли, – отвечал Майк.

УЛЫБКИ ПЕРВОЦВЕТА

Андрей Коршунов

ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК

«Черт! Опять вода ледяная», — выругался Восклицательный знак, морщась и усердно разогревая руки растиранием после каждого всплескивания себе на лицо. Пока он окончательно умылся, они аж побелели от холода. Примерно таким же макаром, как варварские племена набег за набегом, вылазка за вылазкой разрушили Римскую империю, он в конце концов выгнал из головы остатки сна и, утершись грязным полотенцем, висящим тут же на гвоздике, справа от умывальника, пошел в дом.

По дороге кишащие под ногами Запятые чуть не сбили его с ног. «Откуда их столько?!» — подумал он, острым концом ботинка съездив по морде одной и дав поддыхло другой. Не стерпев такого отношения к своему роду, пострадавшие, а также их многочисленные братья и сестры, бросились было на него, но, продемонстрировав великолепное мастерство дворового футболиста, Восклицательный знак, уворачиваясь от маленьких, но зубастеньких челюстей, помахал ногами в воздухе, прыгнул на метр вперед, затем, чтобы выиграть время, развернулся и по-хозяйски, как лев, рыкнул,

и, когда Запятые в ужасе шарахнулись в сторону, вскочил на первую ступеньку огромного, как мавзолей Владимира Ильича Ленина, крыльца.

Поднявшись по нему, у входа он обнаружил огромную Точку. Раздражение, переполнившее чашу терпения, выплеснулось через край смачным харчком и отборным матом. Ведь Точку, дело известное, просто так не обойдешь, к тому же такую огромную. И, как на зло, ничего сладкого для нее в кармане не оказалось. Придется обходить через парадный вход. Не любил Восклицательный знак там ходить, да и вообще всякий мал-мало уважающий себя знак старался обходить сидящего там вахтера, товарища Абзаца. Вот уж вечный кляузник. На кого хочешь такие небывилицы возведет, кого хошь рассорит. Не дай бог втянет в разговор — как русалка, защекочет. К тому же внизу поджидали Запятые.

«Да пошло оно все к чертям собачьим!» — подумал Восклицательный знак и, растревожив утреннюю свежесть нового дня оглушительно громким индейским криком, от которого все Запятые кинулись по углам, не спеша перешел двор.

Плутая в лабиринтах дверей парадного входа, он еще надеялся, что Абзац не окажется на посту, но не тут-то было... Едва зайдя в дверях Восклицательного знака, то запел своим гнусавым голосом:

– А-а-а, Восклицало. Давненько, давненько здесь не проходили. Да и вообще никто здесь не пробегает... Думал, уж совсем без работы останусь. А тут вы... Радость-то какая. Вот здесь, пожалуйста, распишитесь... Ваше согласие на оказание денежной и гуманитарной помощи Квадратным скобкам, в тяжелейших условиях поднимающим целину на Колыме, требуется. Ой, спасибо большое – слава святому Альду Мануцию – хоть один человек расписался. Подождите, подождите... А вы знаете: Многоточие-то у нас совсем рассорились. Правая да Средняя Левую хаот: вот мол... А началось-то из-за ерунды какой-то... – но тут обладатель столь могучего языка вдруг осознал насущную необходимость заткнуться (причем так же неожиданно, как и начал), обнаружив, что «благодарный слушатель», явившийся подобно солнечному лучику, по утрам пробирающемуся в жуткую тюремную камеру, озаряя жизнь обреченных; едва расчеркнувшись на поданном документе, ретировался, не дожидаясь лифта, как от чумы, от него вниз по лестнице. Со стенами же Абзац не разговаривал из принципа, по своему опыту зная, что и у них бывают уши, и проблемы,

господа мои хорошие, вы уж мне поверьте, из-за этих «ушей» бывают весьма серьезные.

«Да, надо меньше болтать», – в который раз сам себе посоветовал Абзац и погрузился в корябание своей дислоцирующей на склоне носа бородавки. Нос же, явный потомок носа господина Ковалева, героя гоголевской повести «Нос», и носа монаха Дзенди из рассказа японского классика Акутогавы Рюнеске «Нос», при таком наглоте посягательстве на свою собственность (а он и в мыслях не допускал, что бородавка может быть не его собственностью, а, к примеру, «общечеловеческой»), отбивался, вертелся и извивался, как черт на сковородке.

В это время Восклицательный знак, спустившись на два этажа ниже и убедившись, что чудовище-вахтер его не преследует, радуясь, что так легко и быстро от него отделался, перевел дыхание и свернул в длинный коридор, в самом конце которого, в двухместной комнатке, жили они с Вопросительным знаком. Восклицательный знак не выносил своего сожителя, его постоянных вопросов, и потому, идя по коридору, молил всех святых, чтобы Вопросительный еще не проснулся, благо времени молиться было предостаточно.

Через добрых полчаса, успев пройти около половины пути, Восклицательный знак, по обыкновению, начинал ругать родное правительство или хрен его знает что там есть наверху:

– Ну что за идиотизм! Не могут канализацию провести! Да где же это видано – чтобы в уборную сходить, два часа потратить надо! А если понос?.. Вот и приходится у Скобок, круглых или квадратных, ночевать. Хорошо им – в пяти минутах от сортира жить! Право, жить надо, как Тире: без дома, без крова; где приспичило – там облегчился, а умыться – так вообще самая что ни на есть бесполезная штука.

Вот доберусь я до вас, бюрократов хреновых, бумагомарателей недорезанных! Ну что за левша нас всех выводит, систему всю эту строит?!

За пятнадцать минут до своей комнаты он обычно переключался на более приятные мысли. Так вот, очень нравилось думать о том, что не в пример ему – жаворонку, остальные и еже с ними Вопросительный знак, проснувшись лишь к полудню, как всегда всей толпой пойдут толкаться к сортиру. Усмехнувшись, вспомнил, какие ныне злые Запятые и про устроившуюся на крыльце Точку. «Сегодня, однако, и Запятые повеселятся, и Точке-дурочке на диатез достанется, и даже Абзац наговорится».

За пять минут до финишной черты, до заветной двери – за которой завтрак, кофе, утренняя сигарета, а может даже и бокал вина для разогреву перед трудным рабочим днем – его окликнули. Это была Двоеточие, появившаяся из-за двери, которую он только что

миновал. Она стояла в одной комбинации, под которой не было ничего.

Вероятно, специально подкараулила, зная ранний распорядок его дня (как-никак, а раза три точно просыпались вместе, в одной постели), и на что-то надеялась: желала завлечь грамотно расставленными ножками и просвечивающими сквозь тонкую розовую хлопчатобумажную ткань круглыми кричаще-торчащими грудями.

Дернул же черт закрутить с ней. Ладно еще Точка-с-запятой. У той хоть все на месте: и сама стройная, не откажешь, и лицом удалась, а эта – лысая... И что он в ней тогда нашел. «Пьяный был – не помню».

Эх... сплюнув на пол, с нескрываемым намерением как можно глубже попасть ей в душу, он развернулся и пошел в сторону своей двери, на которой уже была различима надпись черным маркером: «Здесь живут удивляющийся и вопрошающий козлы!» – сделанная каким-то хулиганом. Восклицательный знак догадывался, что это не кто иной, как Сноска, но: не пойманный – не вор.

Быстрее! Быстрее!! Быстрее!!! Последние пятьдесят метров он бежал, то и дело запинаясь о разбросанные всюду Дробные черты (здесь нельзя было передвигаться ни обо что не запинаясь). Метрах в семи-восьми позади его преследовала разъяренная, униженная, оскорбленная Двоеточие.

– Фу-ты... – вздохнул Восклицательный знак, прислонившись к стонущей под тяжелыми двоеточными ударами двери. – Слава святым нашим! Слава!

Вопросительный знак еще спал. Тоже прекрасно. Не без опаски оставив дверь без своей поддержки, он подошел к окошку. Во дворе на площадке весело резвились Кавычки, то открывая, то закрывая Прямую речь. На подоконнике лежала довольно громоздкая, толщиной с кулак, папка изрядно помятых и измусоленных временем и неизвестным, но, судя по всему, внушающим количеством рук печатных листов. Это был «Борис и Глеб» Юрия Буйды – самая подпольнейшая из всех подпольных книг (кстати, единственная штука, объединяющая столь чуждых друг другу Восклицайло и Вопросайло), роман о Дьяволе, о том, что наш мир создан Дьяволом, и самое страшное: о том, что возможно, все, все, что

только есть вокруг, вся Вселенная – это ни больше ни меньше, чем книга Дьявола – история этого самого Дьявола и его дьявольского отродья. Но до этих вещей Восклицательный знак еще не дошел – ему рассказывали. Сам же он пока продирался сквозь путаное начало в сладком ожидании потрясающе захватывающего чувства, похожего на то, когда во сне у тебя неожиданно вырывают почву из-под ног и ты падаешь, падаешь, падаешь в бездонную и безмерную пропасть, от внезапно обрушивающейся на голову лавины Знания. Закурив сигарету и подвинув к себе пепельницу, он устроился на подоконнике и принялся читать...

Так началось утро ничем не выделяющегося из длинной череды себе подобных дня, полной опасности жизни для всеми любимого и всеми уважаемого Восклицательного знака.

Первоцвет № 3
Литературно-художественный альманах для юношества

Учредитель:
Областная юношеская библиотека им. И.П. Уткина

Главный редактор А.С. Стародубцева

***Областная юношеская библиотека им. И.П. Уткина и
редакционная коллегия альманаха
«Первоцвет» сердечно благодарят
оперативную мини-типографию «На Чехова» за
спонсорскую помощь в издании альманаха,
понимание и поддержку.***

Альманах зарегистрирован в Восточно-Сибирском региональном управлении регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати.

Адрес редакции: Иркутск, ул. Чехова, 10, тел.: 27-07-93

Тираж 250 экз.
Заказ №33/1
Цена свободная

Отпечатано в мини-типографии "На Чехова"
г. Иркутск, ул. Чехова, 10, тел. (3952) 27-33-56
Лицензия ПЛД №40-37